

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

К. В. Ображиев

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Учебное пособие

РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
RUSSIAN CRIMINOLOGICAL OUTLOOK

Москва
2015

*Библиотека журнала
«Российский криминологический взгляд»*

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

К. В. Ображиев

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Учебное пособие

*Рекомендовано к опубликованию
редакцией журнала
«Российский криминологический взгляд»
в качестве учебного пособия*

РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
RUSSIAN CRIMINOLOGICAL OUTLOOK

Москва
2015

УДК 343.2
ББК 67.408я73
О 23

Редакция серии

«Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»»:

В. Н. Орлов (*главный редактор*), А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло (*заместители главного редактора*), М. М. Бабаев, А. Я. Вилкс, Л. А. Воскобитова, Я. И. Гилинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, А. Б. Джурич, Г. А. Есаков, А. Г. Кибальник, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, Г. Мешко, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Х. Миндагулов, В. А. Номоконов, А. И. Рарог, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибирияков, М. Е. Труфанов, Д. А. Шестаков, Н. В. Щедрин, В. Е. Эминов (*члены редакционной коллегии*); С. А. Борсученко, А. О. Магуза, А. Э. Побегайло, М. А. Филатова (*ответственные секретари*); Е. В. Орлова (*ассистент*)

Переводчик:

Е. В. Гридякина, директор Негосударственного образовательного центра «ЛингвоПрофешнл»

Рецензенты:

Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия, отдел уголовно-правовых исследований, заведующий),

Б. В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор
(Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), проректор по научной работе)

Образжиев К. В.

О 23 Источники уголовного права России: учебное пособие. М.: Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 146 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

В учебном пособии рассмотрена система формальных (юридических) источников российского уголовного права, представлена детальная характеристика ее элементов, определены основные тенденции ее развития.

Для студентов, проходящих обучение по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»). Будет полезен аспирантам, преподавателям высших учебных заведений, а также сотрудникам правоприменительных органов.

УДК 343.2
ББК 67.408я73

ISBN 978-5-904693-57-2

© К. В. Образжиев, 2015
© Российский криминологический взгляд, 2015
© Криминологическая библиотека, 2015

Library of the Bulletin
“Russian Criminological Outlook”

K. V. Obrazhiev

AUTHORITY OF THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Manual

*Recommended to be published by
the Editorial Board of the Bulletin
«Russian Criminological Outlook»
as a manual*

Moscow
2015

UDC 343.2
LBC 67.408я73
O 23

The Editorial Board of the Series

“Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”:

V. N. Orlov (Editor-in-Chief), A. Ya. Grishko, E. F. Pobegailo (Executives to the Editor-in-Chief); M. M. Babaev, A. Ya. Wilks, L. A. Voskobitova, Ya. I. Gilinski, Yu. V. Golik, G. N. Gorshenkov, A. B. Dzhurich, G. A. Esakov, A. G. Kibalnik, D. A. Koretski, S. Ya. Lebedev, V. V. Luneev, S. V. Maksimov, G. Meshko, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. Kh. Mindagulov, V. A. Nomokonov, A. I. Rarog, V. I. Seliverstov, S. L. Sibiryakov, M. E. Trufanov, D. A. Shestakov, N. V. Schedrin, V. E. Eminov (members of the Editorial Board); S. A. Borsuchenko, A. O. Maguza, A. E. Pobegailo, M. A. Filatova (responsible secretary); E. V. Orlova (Assistants).

Translator:

E. V. Gridyakina, Director of Non-Budgetary Educational Center “Lingvo Pro”

Reviewers:

Yu. E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Russian State University for Justice, Criminal Law Research Department, Head of the Department)

B. V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor
(All-Russian State University for Justice, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Pro-Rector for Scientific Work)

Obrazhiev K. V.

O 23 Authority of the Criminal Law of Russia: Manual. Moscow: Criminological Library, Russian Criminological Outlook, 2015. – 146 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

In this manual, the author analyses the system of formal (juridical) authorities of the Russian criminal law, presents a detailed characteristics of its elements, and defines basic tendencies of development.

The course book is useful for students, specializing in 40.04.01 “Jurisprudence” (master degree). It is also useful for postgraduate students and lecturers of law schools, officers of law enforcement authorities.

UDC 343.2
LBC 67.408я73

ISBN 978-5-904693-57-2

© K. V. Obrazhiev, 2015
©Russian Criminological Outlook, 2015
©Criminological Library, 2015

СОДЕРЖАНИЕ¹

CONTENTS¹

Обращение к читателю*	7	Address to the Reader*
Предисловие	11	Foreword
Глава 1. Общетеоретическое учение о формальных источниках права как основа их отраслевого исследования	14	Chapter 1. The general theoretical study of authority of law as a basis for sectoral studies
Глава 2. Понятие и виды формальных (юридических) источников уголовного права	21	Chapter 2. Notion and types of formal (juridical) sources of the criminal law
Глава 3. Законодательные акты и нормативные договоры в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права	32	Chapter 3. Legislative acts and law-making treaties in the system of formal (juridical) authorities of the Russian criminal law
Глава 4. Судебные решения в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права	58	Chapter 4. Judicial decisions in the system of formal (juridical) sources of the Russian criminal law
Глава 5. Структурное строение системы формальных (юридических) источников российского уголовного права	84	Chapter 5. Structural framework of the system of formal (juridical) authority of the Russian criminal law
Глава 6. Основные тенденции развития системы формальных (юридических) источников уголовного права России	96	Chapter 6. General tendencies of development of the system of formal (juridical) authority of the Russian criminal law

¹ Материал, не отмеченный в содержании, публикуется на русском языке; материал, отмеченный звездочкой, публикуется на двух языках: русском и английском.

The material, not marked in the Contents, is published in Russian; the material, marked by one asterisk, is published in two languages: Russian and English.

Заключение 108 Conclusion

Библиография 114 Reference

Информация об авторе* 119 Information about the author*

Приложения 121 Appendix

Приложение 1. Порядок рецензирования статей и материалов в журнале «Российский криминологический взгляд»*	Appendix 1. Order of reviewing of articles and materials for publication in the bulletin “Russian Criminological Outlook”*
121	

Приложение 2. Условия и требования к опубликованию в журнале «Российский криминологический взгляд»*	Appendix 2. Conditions and requirements for publication in the bulletin “Russian Criminological Outlook”*
130	

Приложение 3. Список трудов, опубликованных в серии «Библиотека журнала “Российский криминологиче- ский взгляд”» в 2008–2015 гг.*	Appendix 3. List of works, published in the series “Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook” in 2008–2015”*
139	

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга, входящая в серию работ, объединённых названием: «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”». Серия основана в 2008 г. В редакцию входят: В. Н. Орлов (главный редактор); А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло (заместители главного редактора); М. М. Бабаев, А. Я. Вилкс, Л. А. Воскобитова, Я. И. Гишинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, А. Б. Джурич, Г. А. Есаков, А. Г. Кибальник, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, Г. Мешко, С. Ф. Милоков, М. Г. Миненок, А. Х. Миндагулов, В. А. Номоконов, А. И. Парог, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибирияков, М. Е. Труфанов, Д. А. Шестаков, Н. В. Щедрин, В. Е. Эминов (члены редакционной коллегии); С. А. Борсученко, А. О. Магуза, А. Э. Побегайло, М. А. Филатова (ответственные секретари); Е. В. Орлова (ассистент).

Предлагаемая серия работ является первой криминологической серией книг под эгидой ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд».

Авторами книг, образующих данную серию, являются профессора и доценты Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Института государства и права Российской академии наук, Академии Генеральной прокуратуры РФ, Всероссийский государственный университет юстиции (Российской правовой академии Министерства юстиции РФ), Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена и других ведущих вузов России и зарубежных стран.

В серии опубликованы следующие работы: Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред.

Э. Ф. Побегайло (М., 2008); Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2009 г.: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова (М., 2009); Российское уголовно-исполнительное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова (М., 2010); Орлов В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ: монография (М., 2014) и др.

Полные тексты книг, изданных в данной серии, размещены в Криминологической библиотеке и доступны для бесплатного скачивания на нашем сайте по следующим доменным именам: <http://criminology.ru>, <http://criminology.pro>, <http://криминология.рф>.

Работы, опубликованные в серии «Библиотека журнала “Российский криминологический взгляд”», предназначены для студентов, адъюнктов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практикующих юристов, работников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и иных правоохранительных органов; представляют интерес для всех, кто интересуется проблемами борьбы с преступностью, преступным, виктимным поведением и их причинами, вопросами предупреждения преступности и преступного поведения, а также учениями и практикой в сфере уголовной политики и наук криминального цикла.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в печатном или рукописном виде Орлову Владиславу Николаевичу по почтовому адресу: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 65, кв. 9; 2) в электронном виде по адресу: vlad-orlov@mail.ru.

Информацию о том, будет ли опубликован материал, автор может узнать:

- на сайте <http://criminology.ru>;

- по тел.:

(499) 445-90-16; 8-915-051-16-15 – Владислав Николаевич Орлов
(главный редактор).

*От имени редакции серии
В. Н. Орлов*

ADDRESS TO THE READER

Dear Reader,

In front of you, you have a book from the series of works, unified by the title: “Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”. The series was founded in 2008. The Editorial Board of the series is: V. N. Orlov (Editor-in-Chief); A. Y. Grishko, E. F. Pobegailo (Executives to the Editor-in-Chief); M. M. Babaev, A. Y. Wilks, L. A. Voskobitova, Ya. I. Gilinsky, Yu. V. Golik, G. N. Gorshenkov, A. B. Dzhurich, G. A. Esakov, A. G. Kibalnik, D. A. Koretski, S. Ya. Lebedev, V. V. Luneev, S. V. Maksimov, G. Meshko, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. Kh. Mindagulov, V. A. Nomokonov, A. I. Rarog, V. I. Seliverstov, S. L. Sibiryakov, M. E. Trufanov, D. A. Shestakov, N. V. Schedrin, V. E. Eminov (members of the Editorial Board); S. A. Borsuchenko, O. A. Maguza, A. E. Pobegailo, M. A. Filatova (responsible secretaries); E. V. Orlova (Assistants).

The offered series of works is the first criminological series of books, published within the quarterly scientific practical bulletin “Russian Criminological Outlook”.

The authors of the books, contributed to the series, are Professors and Associate Professors of Moscow State Juridical University by O. E. Kutafin (MSJA), Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Academy of the General Prosecution of the Russian Federation, All-Russian State University of Justice (Russian Juridical Academy of the Ministry of Justice of Russia), All-Russian Scientific Research Institute of the MIA of Russia, Russian State Teacher Training University by A. I. Gertsen and other leading universities of Russia and abroad.

In the series, the following works were published: Russian Criminal Law. 2 Vol. Book 1. General Part: Course book / edited by E. F. Pobegailo (Moscow, 2008); Clause-by-clause educatory comment to the Criminal Executive Code of the Russian Federation: according to the state in September 1, 2009: manual. 2nd edition, edited and fulfilled /

edited by V. E. Eminov, V. N. Orlov (Moscow, 2009); Russian Criminal Executive Law. 2 Vol. Book 1. General Part: Course book / edited by V. E. Eminov, V. N. Orlov (Moscow, 2010); Orlov V. N. Penalty: Criminal Legal and Criminal Executive Analysis: Monograph (Moscow, 2014), etc.

Extended texts of the books, published in the series, are available at the Criminological Library to be downloaded freely at the web-site: <http://criminology.ru>, <http://criminology.pro>, <http://криминология.рф>.

Works, published in the series “Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook” are aimed to be of interest for the students, post-graduates, lecturers of juridical universities and departments, practitioners, officials of the internal affairs organs, criminal executive system and other law enforcement organs, and to those, who are interested in the problems of counteraction to criminality, criminal and delinquent, victim conduct and its causes, questions of prevention of criminality and criminal conduct, and education and practice in the sphere of criminal politics and criminal science disciplines.

Material for publication, offers and notes should be sent: 1) printed material and manuscripts to Orlov Vladislav Nikolaevich to the postal address: Appart. 9, Building 65, Kutuzovsky Lane; 2) electronic versions to address: vlad-orlov@mail.ru.

The information about the acceptance of the material to publication is available:

- on the web-site <http://criminology.ru/>;
- on the telephone number: (499) 445-90-16; 8-915-051-16-15 – Editor-in-Chief Orlov Vladislav Nikolaevich.

On behalf of the Editorial Board of the Series,
V. N. Orlov

Предисловие

Как известно, в советской уголовно-правовой науке едва ли не аксиоматичным было положение о том, что единственным формальным (юридическим) источником отечественного уголовного права является уголовный закон, а все остальные источники права (международные договоры, судебные прецеденты и т. п.) если и имеют право на существование, то уж точно не в отечественной уголовно-правовой системе. Нельзя сказать, что современная уголовно-правовая доктрина полностью избавилась от представлений об уголовном законе как единственном формальном источнике российского уголовного права, однако, по крайней мере, в настоящее время этот тезис поставлен под серьезное сомнение. Со временем всё большее число ученых и практиков признают полиисточниковый характер российского уголовного права, причем такое изменение подхода имеет под собой не только теоретическую, но и законодательную основу: в ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлено, что Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. На основе названной нормы и положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в теории уголовного права наметилась тенденция признания юридическими источниками российского уголовного права международных договоров уголовно-правового характера, имеющих силу для России. Исходя из предписаний ч. 2 ст. 1 УК РФ, получила развитие идея о возможности отнесения к числу формальных источников российского уголовного права Конституции России. Более того, в уголовно-правовой литературе появился целый ряд публикаций, в которых обосновывается необходимость признания формальными источниками российского уголовного права постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебных прецедентов, нормативных правовых актов иных отраслей права, уголовно-правовой доктрины и др.

Тем не менее, вопрос о номенклатуре юридических источников российского уголовного права до настоящего времени не получил общепризнанного решения, о чем свидетельствует непрекращаю-

щаяся дискуссия относительно юридической природы и уголовно-правового статуса тех или иных правовых актов. Причем в пылу этой полемики представители уголовно-правовой науки оставили на периферии научных исследований вопросы взаимосвязи и взаимодействия различных источников уголовного права, их функций, без решения которых невозможно получить панорамное видение их системы. Не получила должной теоретической разработки и проблема категориального определения формальных (юридических) источников уголовного права, хотя именно она является ключом к решению вопроса об их конкретных разновидностях. Таким образом, приходится констатировать, что в отечественной уголовно-правовой науке до настоящего времени не выработано целостное представление об источниковой базе российского уголовного права, что можно расценивать как существенный пробел в доктрине уголовного права.

Между тем в общей теории права справедливо подчеркивается, что «учение об источниках права было и остается одним из центральных разделов юридической науки»¹, а «вопросы, касающиеся источников права, являются своего рода отправной точкой в процессе познания всех иных правовых институтов и самого права»². Сказанное полностью применимо и к уголовному праву, поскольку четкое представление о системе его юридических источников является неперенным условием как нормотворческой, так и правоприменительной деятельности. Регулируя уголовно-правовые отношения, законодатель должен учитывать вертикальные и горизонтальные связи между нормативными правовыми актами, содержащими уголовно-правовые нормы и отдельные уголовно-правовые предписания; знать, в какой именно форме (источнике какого вида и уровня) целесообразнее воплотить новые уголовно-правовые нормы, чтобы не нарушить согласованность системы источников уголовного права; уметь выявлять и оперативно устранять возникающие в ней противоречия. Без адекватного представления

---

1 *Топорнин Б. Н.* Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 10.

2 *Марченко М. Н.* Источники права: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 3.

о системе формальных источников уголовного права невозможна и эффективная правоприменительная деятельность, поскольку в противном случае вне поля зрения правоприменителя могут оказаться уголовно-правовые предписания, имеющие значение для принятия решения по уголовному делу.

С учетом вышеизложенного, совокупность теоретико-прикладных вопросов, связанных с системой формальных (юридических) источников российского уголовного права, приобретает повышенную актуальность. При этом следует полностью согласиться с А. Э. Жалинским в том, что «теория источников уголовного права ... должна стать одной из трех составных частей Общей части уголовного права наряду с теорией преступления и теорией мер уголовно-правового характера»³.

---

³ Жалинский А. Э. О системе источников уголовного права / Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 288–289.

Глава 1. Общетеоретическое учение об источниках права как основа их отраслевого исследования

Разработка полноценной теории формальных источников уголовного права возможна только на основе современных достижений общетеоретического учения об источниках права и их системе. Поэтому предпосылкой изучения формальных (юридических) источников уголовного права является анализ учения об источниках права в целом, разработанного в рамках общей теории права.

В общей теории права понятие «источник права» наделяется множеством смысловых значений. В правовой литературе выделяются материальные и формальные (юридические) источники права (С. С. Алексеев, С. И. Вильнянский, С. А. Голунский, О. С. Иоффе, Д. А. Керимов, С. Ф. Кечекьян, М. Н. Марченко, А. В. Мицкевич, М. С. Строгович, Л. Р. Сюкияйнен, М. Д. Шаргородский); социальный источник права (Т. В. Гурова); политический источник права (Т. В. Гурова, В. С. Нерсисянц); генетические, нравственные, международно-правовые источники права, источники происхождения правовых норм (В. С. Нерсисянц); источники познания права (Г. И. Муромцев, А. Ю. Калинин, С. А. Комаров); исторические источники права (Г. И. Муромцев); источники права в идеальном или идеологическом смысле (В. М. Баранов, А. Ю. Калинин и С. А. Комаров) и др.

При всем многообразии научных подходов термином «источник права» обозначают два различных по своей сути феномена:

1) социально-экономические, национально-культурные, политические, идеологические, географические, исторические и иные факторы, общественные или государственные структуры, под воздействием которых возникает и изменяется право (так называемые материальные, социальные, политические и т. п. источники права). Иными словами, рассматриваемое понятие используется для обозначения определенных явлений, детерминирующих появление правовых норм, обуславливающих их возникновение, т. е. правообразующих факторов, которые можно обозначить как *генетические источники права*;

2) определенные формы, способы выражения (объективации) правовых норм, придающие им общеобязательное значение (так называемые формальные или юридические источники права, к которым относят нормативный правовой акт, правовой обычай, нормативный договор, судебный прецедент и др.). Указанные внешние формы выражения (объективации) правовых норм представляют собой *формальные (юридические) источники права*, которые и являются предметом дальнейшего анализа.

В общей теории права под формальными (юридическими) источниками права принято понимать внешние формы выражения правовых норм, которые придают этим нормам общеобязательный статус и определяют степень их юридической силы. А поскольку «форма права, так же как и форма любого иного явления или процесса, не существует сама по себе, в отрыве от его... содержания»⁴, составить целостное научное представление о формальных источниках права невозможно, не затронув вопрос о содержащихся в них правовых нормах.

С точки зрения современной юриспруденции содержание позитивного права образует три функционально различные группы правовых велений:

1) *учредительные (отправные, исходные) нормы*, регламентирующие цели и задачи правового регулирования, принципы права. Они, как правило, непосредственно не определяют объем прав и обязанностей участников правовых отношений, не устанавливают юридическую ответственность, хотя и оказывают косвенное регулятивное воздействие;

2) *основные (генеральные) правовые нормы*, устанавливающие общеобязательные правила поведения, которые рассчитаны на многократное применение и обеспечены мерами государственного и иного воздействия. Осуществляя непосредственное регулирование правоотношений, они (нормы-правила) выступают в качестве центрального элемента в юридическом содержании права. При этом нормы-правила имеют классическую логическую структуру (гипотеза, диспозиция, санкция), что отличает их от иных правовых норм;

⁴ Марченко М. Н. Источники права: учебное пособие. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2005. С. 31.

3) *дополнительные правовые нормы*, которые предназначены для «обслуживания» основных правовых норм (норм-правил), выступают в качестве их инфраструктуры. Весьма показательными в этом отношении являются оперативные и коллизионные нормы, которые называют «нормами о нормах», что подчеркивает их субсидиарный характер. Выраженный вспомогательный характер имеют и нормы-дефиниции, содержащие общеобязательные определения юридических терминов, используемых в правовых актах.

Таким образом, содержание юридических источников права составляют не только классические нормы-правила. Помимо норм-правил формальные источники права могут содержать учредительные и дополнительные правовые нормы. К сожалению, это обстоятельство далеко не всегда учитывается в уголовно-правовой науке. Многие ее представители отождествляют уголовно-правовые нормы исключительно с нормами-правилами поведения и на этом основании не признают юридическими источниками уголовного права те правовые акты, которые содержат иные, «нетипичные» уголовно-правовые нормы, имеющие учредительный или дополнительный характер. Таким образом, игнорирование достижений общей теории права служит препятствием для развития отраслевого учения о формальных источниках уголовного права.

Необходимо также иметь в виду, что в общей теории права под правовыми нормами понимаются не только «первичные» нормативные предписания, которые «устанавливают общие начала правового регулирования, его главные отправные основы, правила, первоначально регламентирующие определенные отношения, не обращаясь непосредственно к каким-либо иным правилам», но и «вторичные» нормы, являющиеся «производными от первичных, поскольку они развивают и конкретизируют первичные нормы»⁵.

---

5 Сурилов А. В. Теория государства и права. Киев – Одесса, 1989. С. 351–352. Сходное определение первичных и вторичных правовых норм предлагает А. В. Злобин: «Первичные правовые нормы впервые устанавливают режим правового регулирования для тех или иных видов общественных отношений. Следовательно, вторичные нормы имеют производный от первичных предписаний характер, призванный конкретизировать и детализировать их» (см.: Злобин А. В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 10).

При этом производный, вторичный характер конкретизирующих нормативных предписаний не меняет их сущности; они остаются правовыми нормами, сохраняя все свойственные им признаки. Это означает, что формальными источниками права могут считаться не только те правовые акты, в которых зафиксированы первичные нормативы, но и правовые акты, содержащие вторичные, производные правовые нормы.

В отраслевой уголовно-правовой науке это положение нередко остается без должного внимания, что, конечно же, сказывается на качестве теоретического анализа формальных источников уголовного права. Так, например, некоторые ученые отказываются признавать отдельные правовые акты (в частности, постановления Правительства Российской Федерации, принятые в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации) юридическими источниками уголовного права только на том основании, что они якобы не содержат первичных норм, а лишь конкретизируют предписания последних. Однако подобный подход противоречит постулатам общей теории права. Вторичные (конкретизирующие) уголовно-правовые предписания, вне всякого сомнения, имеют нормативный характер, а значит, правовой акт, в котором они зафиксированы, должен признаваться юридическим источником уголовного права. В противном случае нам бы пришлось исключить из числа формальных источников права большинство подзаконных нормативных правовых актов, которые содержат вторичные (производные) нормы, конкретизирующие первичные нормы закона.

Далее, следует иметь в виду, что современная теория права признает формальными источниками права не только такие внешние формы выражения правовых норм, которые получили официальное (юридическое) признание в соответствующем качестве, но и те, которые фактически используются в качестве источников применимого права⁶. По этой причине круг официально признанных и фактически применяемых формальных источников права может не совпадать.

---

6 См.: Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4, 10.

Надо признать, что в отечественной уголовно-правовой науке современные общетеоретические положения о возможном несопадении официально признанных и фактически применяемых юридических источников права еще не получили должного отраслевого развития. По крайней мере, в большинстве учебников и учебных пособий по уголовному праву России, а также во многих научных публикациях вопрос о формальных источниках отрасли традиционно рассматривается через призму ч. 1 ст. 1 УК РФ, на основании которой делается вывод о том, что единственным источником российского уголовного права является УК РФ (в лучшем случае аналогичным статусом наделяются также Конституция Российской Федерации и международные акты, о которых упоминается в ч. 2 ст. 1 УК РФ). При этом незаслуженно игнорируется тот факт, что уголовно-правовые нормы содержатся и в других правовых актах, которые официально не признаются юридическими источниками уголовного права (либо источниками российского права как такового). В результате из поля зрения выпадает целый массив юридических источников уголовного права и вместо изучения их системы рассматривается только один ее элемент, что создает искаженное представление об источниковой базе отрасли.

Попутно заметим, что даже в тех сравнительно немногочисленных публикациях, в которых признается множественность формальных источников уголовного права, конкретные отраслевые источники в большинстве случаев исследуются изолированно, без учета их тесной взаимосвязи с другими правовыми актами, содержащими уголовно-правовые нормы. Между тем в общей теории права давно известно, что юридические источники права (в целом и в отраслевом разрезе) образуют систему, а значит, рассматривать их следует в системном единстве. Как отмечал по этому поводу С. Л. Зивс, «для исследования источников права первостепенное значение имеет их рассмотрение как системно-связанных частей целого»⁷. Это вполне закономерно, ведь если системно право, то системны и формы его внешнего выражения. Иными словами, «системность форм (источников) позитивного права изначально

---

⁷ Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 33.

«заложена» в самой их природе и в их характере как правовых феноменов, существующих и функционирующих не отдельно, а тем более – не изолированно друг от друга, а в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом. В силу этого наиболее адекватным и эффективным подходом к их познанию, несомненно, будет системный подход»⁸. Не углубляясь более в рассуждения о необходимости системного подхода к юридическим источникам уголовного права, которому будет посвящена отдельная глава, отметим, что забвение их системного характера служит серьезным препятствием для развития полноценного уголовно-правового учения об отраслевых источниках, а также влечет за собой негативные последствия для нормотворческой и правоприменительной практики. Несогласованность предписаний УК РФ с Конституцией Российской Федерации, международными договорами России, регулятивным законодательством, постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации; отсутствие эффективного механизма разрешения внутриотраслевых и межотраслевых коллизий; явное несоответствие содержания уголовно-правовых предписаний внешним формам их выражения; многочисленные ошибки, допускаемые при применении полиисточниковых уголовно-правовых норм, – все эти дефекты нормотворчества и правоприменения во многом объясняются именно игнорированием системности юридических источников уголовного права.

Возвращаясь к анализу атрибутивных свойств формальных (юридических) источников права, отметим, что к их числу относится способность определять степень юридической силы содержащихся в них правовых норм. «Если внутренняя форма придает всем правовым нормам юридическую силу, то внешняя форма определяет степень юридической силы каждой правовой нормы по отношению к другим правовым нормам. Все правовые нормы, как известно, обязательны к исполнению, но не все правовые нормы в соотношениях между собой обладают одинаковой юридической силой (например, закон и постановление одинаково обязательны к исполнению, но закон обладает большей юридической силой,

⁸ Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 110–111.

чем постановление)»⁹. Правда, такая зависимость является не столь выраженной в случаях, когда речь идет о правовых актах, фактически выполняющих функцию формального источника права, но официально не признанных в этом качестве, – например, о постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Впрочем, несмотря на отсутствие официального признания нормативности и общеобязательности постановлений Пленума, не вызывает сомнений тот факт, что они имеют (а точнее – должны иметь) подзаконный характер, а значит, их юридическая сила не должна превышать юридическую силу федеральных законов. Следовательно, зависимость между видом формального источника права и степенью юридической силы сохраняется и в рассмотренной ситуации.

Обобщение вышеизложенных признаков, которыми характеризуются формальные (юридические) источники права, позволяет предложить следующую дефиницию рассматриваемого понятия. *Формальные (юридические) источники права – это внешние формы выражения правовых норм (учредительных, основных, дополнительных; первичных и вторичных), которые придают этим нормам общеобязательный статус и определяют степень их юридической силы.* Предложенное определение, основанное на постулатах общей теории права, будет использовано нами в качестве отправной точки исследования юридических источников уголовного права.

Завершая главу, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что разработка полноценной теории формальных источников уголовного права возможна только на основе современных достижений общетеоретического учения о юридических источниках права и их системе. Их игнорирование служит серьезным препятствием для развития отраслевого учения о формальных источниках уголовного права и уголовно-правовой науки в целом.

---

⁹ Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 178.

Глава 2. Понятие и виды формальных (юридических) источников уголовного права

Проецируя общеправовое понимание формальных (юридических) источников права в область права уголовного, можно в качестве исходного тезиса определить, что его отраслевыми источниками являются определенные правовые акты, выступающие в качестве внешней формы выражения уголовно-правовых норм. Известно, что «форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием»¹⁰. Поэтому вопрос о формальных источниках уголовного права тесно связан с вопросом о предмете уголовно-правового регулирования, поскольку уголовно-правовая отраслевая принадлежность юридической нормы (а значит, и возможность признания содержащего ее правового акта источником уголовного права) может быть констатирована только в том случае, если соответствующая норма регулирует уголовно-правовые отношения.

Проблема определения предмета уголовно-правового регулирования является одной из ключевых проблем уголовно-правовой науки. И это не случайно, поскольку именно предмет уголовного права определяет его отраслевую специфику, позволяет говорить об уголовном праве как о самостоятельной отраслевой единице. Однако несмотря на принципиальное значение вопроса о предмете уголовно-правового регулирования, он не получил общепризнанного решения. Анализ и обобщение богатейшей палитры мнений по указанному вопросу¹¹ позволяют заключить, что в предмет уголовного права входят три группы общественных отношений:

1. Общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние (так называемые «охранительные» общественные отношения), принадлежность которых к предмету уголов-

---

¹⁰ Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 173.

¹¹ Обзор основных научных подходов к предмету уголовного права представлен нами в следующей публикации: *Ображиев К. В.* Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 291–296. Это извлекает нас от необходимости изложения соответствующих теоретических точек зрения в настоящем пособии.

но-правового регулирования признается подавляющим большинством специалистов. Содержанием этих отношений являются комплекс взаимосвязанных и корреспондирующих прав и обязанностей субъектов: право государства применить наказание или иные меры уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление, и корреспондирующая этому праву обязанность лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, подвергнуться соответствующим мерам; право лица, совершившего преступление, быть судимым по закону места и времени совершения преступления, на объективную и законную квалификацию совершенного деяния, на индивидуализацию наказания, на освобождение от ответственности или от наказания и корреспондирующие этим правам обязанности государства¹².

2. *Общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ, невменяемыми лицами.* Как известно, в период обсуждения концепции ныне действующего УК РФ 1996 г. отдельные ученые выступали за исключение из уголовного закона положений относительно юридических последствий совершения общественно опасного деяния лицами, не способными нести уголовную ответственность (малолетними и невменяемыми), доказывая, что они должны быть регламентированы в самостоятельном законе¹³. Однако законодатель реализовал это предложение лишь частично, регламентировав правовые последствия совершения общественно опасного деяния невменяемыми лицами в УК РФ, а юридические последствия совершения общественно опасного деяния лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, – в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершенно-

---

¹² Следует согласиться с А. И. Санталовым в том, что перечисление прав и обязанностей сторон уголовно-правового отношения – дело трудоемкое, поскольку они не являются застывшими, а меняются в процессе развития уголовно-правового отношения (См.: Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 53). В этой связи перечень прав и обязанностей участников уголовных правоотношений может быть лишь примерным.

¹³ См.: Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков, Э. Ф. Побегайло и др. // Советская юстиция. 1992. № 3. С. 2–3.

летних»¹⁴. Не вдаваясь в рассуждения об обоснованности такого законодательного решения, отметим, что законодатель, включив в УК РФ главу 15 «Принудительные меры медицинского характера», тем самым официально подтвердил уголовно-правовую природу общественных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасных деяний невменяемыми лицами. Такого же мнения придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, который подчеркнул, что «определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, либо оснований передачи необходимых материалов органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении, находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений»¹⁵.

Содержание указанных правоотношений составляют: право государства применить к невменяемому принудительные меры медицинского характера и корреспондирующая этому праву обязанность невменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, подвергнуться принудительному лечению; право невменяемого на законное избрание вида принудительных мер медицинского характера, их изменение и отмену при наличии указанных в законе обстоятельств и т. п. и корреспондирующие обязанности государства.

3. *Общественные отношения, возникающие по поводу правомерной реализации гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключаящих преступность деяния (их принято называть «дозволительными» отношениями).* Хотя идея об уголовно-правовой природе указанных общественных

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 22. Ст. 2861.

отношений снискала немало сторонников в научном сообществе (А. В. Наумов, А. Н. Тарбагаев, В. Д. Филимонов, А. А. Чистяков, Б. В. Яцененко и др.), отдельные специалисты относятся к ней довольно скептически. Высказывая сомнения в возможности отнесения «дозволительных» отношений к предмету уголовного права, они отмечают, что право на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является конституционным, но не уголовно-правовым полномочием, а отношения по поводу правомерного причинения вреда регулируются уголовным правом лишь в случае нарушения условий правомерности причинения вреда¹⁶. Однако сомнения в уголовно-правовой природе «дозволительных» общественных отношений представляются безосновательными. Дело в том, что объем прав граждан на причинение уголовно-значимого вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, основания возникновения соответствующих прав, условия и пределы их осуществления устанавливаются отнюдь не конституционными, а уголовно-правовыми нормами. И именно на основании уголовно-правовых норм правоприменительные органы делают вывод как о самом наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и о соблюдении условий правомерности причинения вреда при их наличии, что позволяет считать рассматриваемые общественные отношения составной частью предмета уголовного права.

Содержанием этих отношений являются, с одной стороны, права граждан: на причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (разумеется, при соблюдении установленных УК РФ условий правомерности); на признание такого деяния правомерным, а с другой стороны – обязанность государства в лице правоприменительных органов признать вред, причиненный лицом при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, правомерным и не привлекать лицо к уголовной ответственности.

Изложенное видение предмета уголовно-правового регулирования позволяет заключить, что формальными (юридическими)

---

16 См.: *Генрих Н. В.* Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 77–78.

источниками уголовного права могут считаться только те правовые акты, которые содержат юридические нормы, регулирующие указанные выше виды общественных отношений. Очевидно, что основным таким актом является УК РФ. Однако внимательный анализ показывает, что к числу юридических источников российского уголовного права можно отнести еще целый ряд нормативных правовых актов, которые содержат правовые нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения.

В частности, с точки зрения предмета уголовно-правового регулирования формальным источником уголовного права необходимо признать Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ), который содержит отдельные нормы, регулирующие охранительные уголовно-правовые отношения (возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние). Так, например, ст. 74 УИК РФ определяет два дополнительных вида исправительных учреждений, не указанных в ст. 56 УК РФ, в которых осужденные могут отбывать наказание в виде лишения свободы (следственные изоляторы и лечебно-профилактические учреждения); взаимосвязанные предписания ч. 8 ст. 74 и ч. 2 ст. 101 УИК РФ восполняют пробел в ст. 58 УК РФ, определяя категории лиц, отбывающих наказание в лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждениях; ст. 148 УИК РФ допускает возможность освобождения от наказания в виде ограничения по военной службе или замены этого наказания осужденному военному служащему, увольняемому с военной службы, хотя подобное основание освобождения от наказания, а равно его замены, не предусмотрено УК РФ; предписания ч. 1 ст. 174 УИК РФ допускают освобождение от наказания по болезни осужденных военнослужащих, отбывающих не только арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, как это указано в ч. 3 ст. 81 УК РФ, но и ограничение по военной службе. А поскольку определение видов и правил назначения исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, а также оснований освобождения от наказания относится к предмету уголовного права, указанные нормы УИК РФ по своей отраслевой природе являются уголовно-право-

выми, что дает основание для признания УИК РФ одним из формальных источников уголовного права.

С позиции предмета уголовно-правового регулирования к юридическим источникам уголовного права необходимо отнести также Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в котором регламентированы отсутствующие в ст. 92 УК РФ предписания: о видах специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа органов управления образованием, в которые может быть помещен несовершеннолетний, освобожденный от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 3 ст. 15); о категориях несовершеннолетних, которые могут быть помещены в указанные учреждения (п. 6 ст. 15); об основаниях досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (п. 7 ст. 15). Поскольку эти предписания регулируют общественные отношения, возникающие при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» с полным основанием следует считать одним из источников уголовно-правовых норм.

Одним из юридических источников уголовного права приходится признать и Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁷, поскольку в нем закреплены юридические нормы, предоставляющие (при соблюдении ряда условий) Вооруженным Силам Российской Федерации право на применение оружия и боевой техники для причинения вреда общественным отношениям и интересам, охраняемым уголовным законом. Так, например, предоставляя Вооруженным Силам России право на причинение уголовно значимого вреда (включая право на причинение смерти человеку) и устанавливая условия, при наличии которых возникает такое право, ч. 3 ст. 7 и ч. 2 ст. 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», безусловно, регулируют уголовно-правовые отношения.

---

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

Приведенные примеры, перечень которых можно было бы продолжить, не оставляют сомнений в том, что в действительности уголовно-правовые нормы содержатся и в тех нормативных правовых актах, которые не входят в состав уголовного законодательства и не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений. А значит, соответствующие нормативные правовые акты необходимо признавать юридическими источниками уголовного права, несмотря на их иную, неуголовную отраслевую принадлежность. Иными словами, при решении вопроса о возможности отнесения того или иного правового акта к числу формальных источников уголовного права абсолютизировать его отраслевую принадлежность не следует. Коль скоро содержанием юридическое источника уголовного права являются уголовно-правовые нормы, на первый план при определении статуса соответствующего правового акта (является ли он источником уголовного права или нет) выходит не его отраслевая характеристика, а предмет регулирования фактически содержащихся в нем юридических норм. И если правовой акт содержит правовые нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, то его следует считать одним из формальных источников уголовного права, вне зависимости от его места в отраслевом делении.

Говоря о содержании норм уголовного права, необходимо иметь в виду, что при бланкетной конструкции уголовного закона оно складывается из нескольких нормативных предписаний, которые могут быть зафиксированы в различных нормативных правовых актах и даже в различных видах источников уголовного права. В состав уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, входят наряду с предписаниями УК РФ положения иных правовых актов, выступающие в качестве неотъемлемой части такой нормы. Являясь неотъемлемой частью уголовно-правовых норм, сформулированных бланкетным образом, указанные нормативные предписания могут быть зафиксированы:

– в нормативных правовых актах иных отраслей права, например в различного рода правилах и требованиях: охраны труда, пожарной безопасности, производства тех или иных работ, дорожного движения и т. д. В таких случаях составной частью соот-

ветствующих уголовно-правовых норм становятся соответствующие предписания административного, гражданского, налогового, трудового и другого законодательства;

– в Конституции Российской Федерации и международных договорах России. В частности, бланкетная отсылка к положениям Конституции Российской Федерации содержится в ст. 278, 279 УК РФ, в п. 2 примечания к ст. 285 УК РФ, примечании к ст. 322 УК РФ, в результате чего в содержание соответствующих уголовно-правовых норм «имплантируются» конституционные предписания. Бланкетная отсылка к международным договорам в основном характерна для уголовно-правовых норм, имплементированных в российское уголовное законодательство под влиянием международного права. Например, в содержание уголовно-правовой нормы об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны входят положения международных договоров, определяющих «правила» ведения вооруженных конфликтов, к которым отсылают ч. 1 и 2 ст. 356 УК РФ;

– в подзаконных уголовно-правовых актах. Так, составной частью уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов являются положения постановления Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁸, без привлечения которых невозможно ни уяснить, ни применить соответствующие нормы.

Таким образом, при бланкетной конструкции уголовного закона уголовно-правовая норма воплощена в УК РФ лишь частично, а ее бланкетная часть выражена в других правовых актах. Тем не менее, несмотря на внешнюю разрозненность, «рассредоточенность»

---

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 41. Ст. 5624.

собственно уголовно-правовых предписаний и нормативных предписаний, образующих бланкетную часть уголовно-правовой нормы, они выступают в качестве неотъемлемых элементов единой нормы уголовного права. Применительно к уголовно-правовым запретам, сконструированным с использованием внутриотраслевой бланкетности, это обстоятельство неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации: «Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 года № 1002 раскрывает содержание новых бланкетных признаков, предусмотренных в том числе статьей 228 УК Российской Федерации ..., а потому образует нормативное единство с названной статьей»¹⁹.

Без бланкетной части, находящейся за рамками УК РФ, уголовно-правовые нормы будут неполными и утратят регулятивные свойства. Так, например, Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в УК РФ была включена ст. 226¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за контрабанду предметов, ограниченных в обороте, в том числе стратегически важных товаров и ресурсов. В соответствии с примечанием 1 к ст. 226¹ УК РФ полномочия по утверждению перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ были делегированы Правительству Российской Федерации. Однако заработала указанная уголовно-правовая норма в полном объеме только через десять месяцев, когда было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁰; до этого уголовно-правовой

19 См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 г. № 1701-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пантюшина Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1815-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарапова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 123-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коновалова Олега Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 5 статьи 2 Федерального закона от 1 марта 2012 года № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС «Консультант Плюс».

20 Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 38. – Ст. 5133.

запрет на контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов был фактически «мертвым». Приведенный пример показывает, что бланкетная часть уголовно-правовой нормы является столь же необходимым ее элементом, как и собственно уголовно-правовые предписания, содержащиеся в уголовном законе.

Итак, одна уголовно-правовая норма может быть выражена в нескольких правовых актах, причем для уголовного права России такая ситуация является, скорее, правилом, нежели исключением²¹. В контексте рассматриваемой нами проблемы этот вывод приобретает принципиальное значение и предопределяет постановку вполне закономерного вопроса: один или несколько юридических источников имеют подобные уголовно-правовые нормы, состоящие из нормативных предписаний, зафиксированных в различных правовых актах? Прежде чем ответить на этот вопрос, еще раз напомним, что с точки зрения общей теории права формальные источники уголовного права – это внешние формы выражения уголовно-правовых норм. Следовательно, если уголовно-правовая норма не имеет единой формы выражения (в одном правовом акте), а объективирована в нескольких правовых актах, то каждый из них должен считаться юридическим источником соответствующей уголовно-правовой нормы. В соответствии с предложенным подходом юридическим источником уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, следует признать не только УК РФ, но и правовой акт (закон, подзаконный акт, международный договор), в котором зафиксирована бланкетная часть уголовно-правовой нормы. Так, например, формальными источни-

---

21 Так, по оценке Л. Д. Гаухмана, бланкетные нормы на сегодняшний день находятся в более чем половине всех статей УК РФ (см.: *Гаухман Л. Д.* Актуальные проблемы уголовного законодательства РФ и направления его совершенствования // *Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения: сб. науч. тр.* М., 2009. С. 113); по мнению Н. Ф. Кузнецовой, в Особенной части УК РФ бланкетными являются 65% норм (см.: *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. М.: ИД «Городец», 2007. С. 107); Н. И. Пикуров считает, что «отдельные бланкетные признаки имеются практически в каждой диспозиции уголовно-правовой нормы» (см.: *Пикуров Н. И.* Место уголовного права в системе российского права // *Энциклопедия уголовного права.* Т. 1. Понятие уголовного права. СПб.: Издательство профессора Малинина, 2005. С. 388).

ками уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил помимо УК РФ являются многочисленные нормативные правовые акты, регламентирующие соответствующие правила (в частности, Постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 189 «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях»»²², от 15 мая 2013 № 26 «Об утверждении СанПиН 2.4.1.3049-13 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций»»²³ и др.).

Признавая это обстоятельство, следует иметь в виду, что правовые акты, выступающие в качестве юридических источников подобных уголовно-правовых норм, неравнозначны. В зависимости от выполняемых ими функций необходимо различать две группы формальных источников уголовного права:

1. Источники собственно уголовно-правовых предписаний (учредительных, основных и дополнительных; первичных и производных), регулирующих уголовно-правовые отношения. Нормативный материал, который содержится в этих юридических источниках, непосредственным образом определяет содержание общественных отношений, составляющих предмет уголовно-правового регулирования, влияет на статусы субъектов подобных отношений, в связи с чем соответствующие правовые акты занимают доминирующее место в системе источников российского уголовного права.

2. Источники бланкетной части уголовно-правовых норм, предписания которых при бланкетной конструкции уголовного закона входят в содержание норм уголовного права. Несмотря на то что правовые акты, содержащие бланкетную часть уголовно-правовых норм, как правило, имеют иную отраслевую принадлежность и не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений, содержащиеся в них предписания все-таки участвуют в регули-

22 СПС «Консультант Плюс».

23 СПС «Консультант Плюс».

ровании этих отношений, поскольку образуют (по терминологии Конституционного Суда Российской Федерации) «нормативное единство» с собственно уголовно-правовыми предписаниями.

Следует отметить, что предложенная классификация является во многом условной. Дело в том, что некоторые из элементов системы формальных источников российского уголовного права (например, Конституция Российской Федерации, международные договоры России) одновременно содержат как собственно уголовно-правовые предписания, так и предписания, образующие бланкетную часть уголовно-правовых норм, о чем пойдет речь далее. Тем не менее, несмотря на отмеченную условность этой классификации, полагаем, что она имеет важнейшее теоретико-методологическое значение, позволяя отразить функциональное различие юридических источников российского уголовного права и основания их взаимодействия.

С учетом вышеизложенного формальные (юридические) источники уголовного права можно определить как правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы (учредительные, основные, дополнительные; первичные и производные) и (или) нормативные предписания, которые входят в состав уголовно-правовых норм.

Глава 3. Законодательные акты и нормативные договоры в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права

Конституция Российской Федерации. Как известно, ч. 2 ст. 1 УК РФ впервые в истории развития отечественного уголовного права на законодательном уровне закрепила принципиальное положение о том, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации...». Однако положения ч. 2 ст. 1 УК РФ не дали однозначного ответа на вопрос о том, может ли основной закон государства считаться юридическим источником российского уголовного права. Тем не менее в настоящее время для положительного решения этого вопроса имеются все необходимые предпосылки.

Во-первых, Конституция Российской Федерации содержит целый ряд уголовно-правовых предписаний. К их числу относятся:

– ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации, согласно которой «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни...»;

– ч. 2 ст. 21 Конституции России, в соответствии с которой «никто не должен подвергаться... жестокому или унижающему человеческое достоинство – наказанию...»;

– ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, в силу которой «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»;

– ч. 2 ст. 63 Конституции России, согласно которой «в Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за... действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением».

Уголовно-правовой характер процитированных конституционных норм не вызывает сомнений, поскольку вопросы о смертной казни и экстрадиции, а также о необходимости соблюдения запретов на применение жестокого или унижающего человеческое достоинство наказания и на повторное осуждение за одно и то же преступление возникают не иначе как в рамках регулирования уголовно-правовых отношений. Однако учитывая принципиальное, учредительное значение соответствующих уголовно-правовых норм, законодатель посчитал необходимым зафиксировать их на конституционном уровне. Иными словами, соответствующие нормы являются конституционными лишь по форме своего выражения, оставаясь при этом уголовно-правовыми по содержанию.

Во-вторых, в пользу признания Конституции России юридическим источником уголовного права свидетельствует возможность ее непосредственного применения при решении вопросов материального уголовного права. Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции России она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. И если при осуществлении правосудия по уголовному делу суд придет к выводу, что уголовный закон противоречит Конституции

Российской Федерации, то он должен непосредственно применить Конституцию (при условии, что закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения)²⁴.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. до вступления в силу УК РФ коллизии между нормами действовавшего в этот период УК РСФСР 1960 г. и Конституцией были не редкостью. Так, вопреки ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации УК РСФСР 1960 г. предусматривал смертную казнь за преступления, не связанные с посягательством на жизнь, например за шпионаж (ст. 65 УК РСФСР). Возникшее противоречие между уголовно-правовыми и конституционными нормами преодолевалось в пользу ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации – при назначении наказания за преступления, не относящиеся к особо тяжким посягательствам на жизнь человека, суды не применяли смертную казнь, хотя она как вид наказания сохранялась в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РСФСР 1960 г. Таким же образом (т. е. путем непосредственного применения Конституции) разрешалось противоречие между ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, которая запретила повторное осуждение лица за одно и то же преступление, и ч. 3 ст. 5 УК РСФСР, которая допускала возможность повторного наказания лиц, совершивших преступление за границей.

Непосредственному применению подлежат и те уголовно-правовые предписания Конституции России, которые восполняют имеющиеся пробелы в уголовном законодательстве. Так, например, согласно ч. 2 ст. 13 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с

---

²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. 1996. № 1.

международным договором Российской Федерации. Однако ч. 2 ст. 13 УК РФ оставляет без ответа вопрос о возможности выдачи указанных лиц, если они преследуются за политические убеждения либо за деяния, не признаваемые в нашей стране преступлениями. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к предписаниям ч. 2 ст. 63 Конституции России, согласно которой в Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением. Следовательно, в соответствующих случаях ч. 2 ст. 63 Конституции Российской Федерации подлежит непосредственному применению, что подтверждает вывод о необходимости включения Конституции России в систему формальных источников уголовного права.

В-третьих, Конституция России выступает в качестве источника бланкетной части некоторых уголовно-правовых норм. Дело в том, что составы некоторых преступлений, предусмотренные УК РФ, включают бланкетные признаки, содержание которых невозможно установить без обращения к положениям Конституции России. Так, например, ст. 278 УК РФ предусматривает ответственность за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. В ст. 279 УК РФ установлена ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Нетрудно заметить, что такой признак составов указанных преступлений, как «насильственное изменение конституционного строя», является бланкетным, вследствие чего содержание соответствующих уголовно-правовых норм выходит за границы УК РФ и наполняется нормативным материалом иной (конституционной) отраслевой принадлежности. В результате неотъемлемой частью уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 278, 279 УК РФ, стано-

вятся положения гл. 1 Конституции России «Основы конституционного строя», без обращения к которым невозможно установить сам факт совершения общественно опасного деяния в виде насильственного изменения конституционного строя. А сама Конституция, таким образом, выступает в качестве формального источника соответствующих норм наряду с уголовным законом.

Итак, имеются достаточные основания считать Конституцию Российской Федерации юридическим источником российского уголовного права, что обусловлено двумя обстоятельствами: наличием в ней предписаний уголовно-правового характера, предназначенных для регулирования общественных отношений, образующих предмет уголовного права; «восходящей» бланкетностью уголовного закона, при использовании которой конституционные положения, наполняющие содержанием бланкетные признаки составов соответствующих преступлений, становятся частью уголовно-правовых норм.

Международные договоры Российской Федерации. Конституция России 1993 г. впервые определила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Причем в случае возникновения коллизии между правилами международного договора и федеральным законом таковая разрешается в пользу международного договора, который имеет силу для России (ч. 4 ст. 15 Конституции).

В то же время необходимо иметь в виду, что приоритет международного права в отношении внутригосударственного законодательства отнюдь не является безусловным.

Во-первых, конституционное положение о приоритетности международных договоров не распространяется на саму Конституцию России, которая «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15 Конституции России). Сказанное дополнительно подтверждается предписаниями ч. 6 ст. 125 Конституции России, согласно которым «не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Во-вторых, коллизийное правило, предусмотренное ч. 4 ст. 15 основного закона России, не действует применительно к федеральным конституционным законам. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «поскольку нормы международного права вводятся в правовую систему Российской Федерации посредством выражения согласия на их обязательность для Российской Федерации и высшей формой выражения такого согласия является федеральный закон (в буквальном смысле этого слова), следовательно, и юридическая сила норм международного права должна приравняться к актам этого иерархического уровня с учетом внутривидового приоритета»²⁵.

В-третьих, приоритетом в отношении федеральных законов обладают не любые международные договоры, а лишь те:

а) которые заключаются от имени Российской Федерации, т. е. межгосударственные договоры. Иные международные договоры, т. е. договоры, заключенные от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (межведомственные договоры), приоритета в отношении федеральных законов не имеют;

б) согласие на обязательность которых было принято в форме федерального закона. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 8 постановления от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», «правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации)».

---

²⁵ Толстик В. А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 421. См. также: Лукашук И. И. Международное право в деятельности правоохранительных органов России // Рос. правовая система и междунар. право: современные проблемы взаимодействия. Н. Новгород, 1996. С. 46–47.

Таким образом, положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации о приоритете норм международного права над внутригосударственным не стоит абсолютизировать.

Проецируя вышеизложенное в область уголовного права, следует признать, что межгосударственные договоры уголовно-правового характера, согласие на обязательность которых для России было принято в форме федерального закона, становятся неотъемлемой частью отечественной системы уголовного права и обладают приоритетом в отношении УК РФ (хотя этот приоритет имеет ограниченный характер).

В международном праве принято различать так называемые самоисполнимые международные договоры, которые непосредственно реализуются на территории России и могут не включаться во внутреннее законодательство, и несамоисполнимые международные договоры, которые имеют опосредованное действие и могут реализовываться во внутригосударственной сфере только после включения содержащихся в них норм в национальное законодательство²⁶. Способ применения (непосредственный или опосредованный) международно-правовых договорных норм для регулирования уголовно-правовых отношений напрямую зависит от их содержания. Так, если международная договорная норма устанавливает уголовную ответственность, то ее непосредственное применение исключено. Невозможность непосредственного применения таких международно-правовых норм подчеркивается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5. Согласно п. 6 названного постановления «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (нацио-

---

26 См.: *Вдовин В. А.* Имплементация международно-правовых норм в уголовное право Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10; *Елисеев Р. А.* Международное уголовное право: особенности правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 26–28; *Кибальник А. Г.* Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. С. 52–53.

нальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.)). Следовательно, международные договорные нормы, устанавливающие уголовную ответственность, требуют имплементации (от англ. «implementation» – осуществление, выполнение, претворение в жизнь) в УК РФ²⁷. А значит, для регулирования уголовно-правовых отношений, возникающих вследствие совершения соответствующего преступления, криминализованного в УК РФ под влиянием норм международного уголовного права, будет применяться норма отечественного уголовного законодательства.

Однако после имплементации в УК РФ нормы несамоисполнимых международных договоров не утрачивают уголовно-правовое значение, поскольку определяют содержание бланкетных признаков соответствующих составов преступлений и тем самым выступают в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм. Так, согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5, «международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ)».

Напомним, что согласно ст. 355 УК РФ уголовно наказуемыми являются разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации. Предмет преступления,

---

27 В юридической науке наблюдается некоторая неопределенность относительно термина, которым следует обозначать процедуру включения норм международного права во внутригосударственное законодательство во исполнение международных обязательств. Одни авторы называют этот процесс имплементацией, другие – трансформацией, третьи – инкорпорацией, четвертые – согласованием. Не вдаваясь в эту дискуссию, которая имеет преимущественно терминологический характер, отметим, что в дальнейшем мы будем обозначать процедуру включения предписаний международного права в национальное законодательство термином «имплементация».

предусмотренного ст. 355 УК РФ, отражен в уголовном законе посредством бланкетного признака, содержание которого определяется в международных договорах России. Причем без обращения к международным договорам уяснить содержание соответствующего признака состава преступления, а значит, и квалифицировать содеянное невозможно.

Прямое указание на необходимость применения международных договорных норм для квалификации преступления содержится и в ст. 356 УК РФ, которая устанавливает ответственность за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации (ч. 1), а также за применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ч. 2). Признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, также являются бланкетными, вследствие чего для квалификации преступления необходимо совместное применение уголовного закона и положений международных договоров России, которые становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы.

Подобная «восходящая» (т. е. отсылающая к положениям международных договоров) бланкетность признаков составов преступлений далеко не всегда отражается путем прямой отсылки к международно-правовым актам, как это имеет место в ст. 355 и 365 УК РФ. В большинстве случаев необходимость применения положений международных договоров России для квалификации преступлений прямо не указывается, а содержится в скрытом виде. В качестве примера можно привести преступление, предусмотренное ст. 360 УК РФ «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой», потерпевшими от которого выступают представители иностранного государства, а также сотрудники международной организации, пользующиеся международной защитой. В диспозиции ст. 360 УК РФ указание о необходимости привлечения международно-правовых актов для квалификации соответствующего преступления отсутствует, однако

вполне очевидно, что без обращения к положениям международных договоров определить круг лиц, которые пользуются международной защитой, невозможно.

Таким образом, необходимость применения международных договорных норм для уголовно-правовой оценки содеянного возникает не только при наличии прямой бланкетной отсылки УК РФ к договорным нормам международного права, но и в случаях, когда указание о бланкетном характере соответствующих признаков состава преступления отсутствует. Причем и при наличии прямой отсылки к международно-правовым нормам, и при «неявной» восходящей бланкетности в содержание соответствующих бланкетных признаков составов преступлений входят положения международных договоров, которые применяются для квалификации преступления совместно с уголовным законом. А поскольку положения несамоисполнимых международных договоров, устанавливающих уголовную ответственность, выступают в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, имплементированных в российское уголовное законодательство, то такие международные договоры следует рассматривать в качестве одного из формальных источников соответствующих норм.

Если международные договорные нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, непосредственно применяться не могут, то в отношении иных договорных норм международного уголовного права прямой запрет на непосредственное применение не установлен. Следовательно, вопрос о способе их применения решается в соответствии с Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» и развивающими его предписаниями, сформулированными в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 и от 10.10.2003 № 5. В соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» непосредственным действием обладают положения только тех официально опубликованных международных договоров России, которые не требуют издания внутригосударственных актов для их применения. Разъясняя это положение, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 3 постановления от 10.10.2003 № 5 указал,

что «при рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права».

Исходя из этого, международные договорные нормы могут применяться непосредственно для регулирования уголовно-правовых отношений в следующих случаях:

1. Когда УК РФ содержит отсылку к международным договорам Российской Федерации (например, ч. 3 и 4 ст. 11, ч. 2 и 3 ст. 12, ч. 2 ст. 13 УК РФ). Непосредственное применение норм международного права санкционировано в указанных случаях самим законодателем. Так, в силу прямого указания ч. 4 ст. 11 УК РФ «вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права». Таким образом, ч. 4 ст. 11 УК РФ не регулирует отношения, возникающие в связи с привлечением к уголовной ответственности лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом, а лишь отсылает к соответствующим нормам международного права, содержащимся в ряде международных договоров (Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН, Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о консульских сношениях, Конвенция о специальных миссиях, Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений, Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера и др.).

2. При возникновении противоречия между УК РФ и межгосударственным договором, если такая коллизия не связана с различным объемом криминализации деяний. Следует особо подчеркнуть, что основанием для непосредственного применения межгосударственной договорной нормы является не любое несо-

ответствие УК РФ международному уголовному праву, а только такое, которое не связано с различным объемом криминализации деяний. Как уже отмечалось, п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 не допускает непосредственное применение международных договоров, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний. Если в Особенной части УК РФ не предусмотрена ответственность за деяние, признаваемое преступлением по международному уголовному праву, подобное несоответствие должно быть устранено путем криминализации соответствующего деяния в УК РФ во исполнение международно-правовых обязательств.

Именно в этом заключается ограниченность иерархического приоритета международных договоров по отношению к УК РФ, который проявляет себя в двух различных вариантах:

а) если несоответствие УК РФ международному договору России состоит в том, что в национальном уголовном законе не предусмотрена норма об ответственности за деяние, преступность которого определена в международном праве, у России возникает обязанность обеспечить соответствие УК РФ международному акту путем криминализации соответствующего деяния;

б) если противоречие УК РФ с международным договором не связано с различным объемом криминализации деяний, то приоритет международно-правовых норм означает возможность их непосредственного применения для регулирования уголовно-правовых отношений.

Признавая возможность непосредственного применения международных договорных норм в случае противоречия между ним и положениями УК РФ, следует отметить, что вероятность возникновения подобной коллизии достаточно высока. Так, например, в соответствии с п. 1 ст. 27 Конвенции ООН по морскому праву²⁸ уголовная юрисдикция России в пределах своих территориальных морских вод является ограниченной и не распространяется, за рядом исключений, на преступления, совершенные на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море.

²⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

А значит, категоричные предписания ч. 2 ст. 11 УК РФ о том, что «преступления, совершенные в пределах территориального моря или воздушного пространства Российской Федерации, признаются совершенными на территории Российской Федерации», не соответствуют нормам международного уголовного права. И в случае совершения преступления на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море Российской Федерации, коллизия между нормами УК РФ и положениями Конвенции ООН по морскому праву должна решаться в пользу последних.

Итак, международные договорные нормы уголовно-правового характера могут применяться не только опосредованно, но и непосредственно, что подтверждает вывод о необходимости признания международных договоров России одним из элементов системы юридических источников отечественного уголовного права.

Уголовное законодательство Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Исходя из этого, российское уголовное законодательство принято отождествлять с УК РФ, который нередко объявляется «единственным законом, регламентирующим применение уголовной ответственности, освобождение от нее или другие положения материального уголовного права»²⁹. Однако ставить знак равенства между уголовным законодательством, уголовным законом и УК РФ неверно, так как уголовно-правовые отношения регулируются не только УК РФ, но и рядом других федеральных законов уголовно-правового характера, что ставит под сомнение возможность признания УК РФ единственным уголовным законом. В этой связи можно говорить о существовании системы уголовных законов, в которую входят:

1) УК РФ – кодифицированный уголовный закон, являющийся ядром системы уголовного законодательства, равно как и системы формальных источников российского уголовного права в целом. Это объясняется тем, что, во-первых, УК РФ обладает «эксклю-

---

²⁹ Курс уголовного права: Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М., 2002. С. 80.

живными правами» на определение преступности общественно опасных деяний (а точнее, признаков составов преступлений), их наказуемости и иных уголовно-правовых последствий совершения преступлений (ч. 1 ст. 3 УК РФ). А во-вторых, УК РФ, будучи кодифицированным уголовным законом, выполняет важную интегративную и системообразующую функцию, поскольку без связи с ним не может функционировать ни один другой элемент системы юридических источников уголовного права. Как верно отмечает С. С. Алексеев, «кодифицированные акты выступают в качестве объединяющего начала в отношении того или иного комплекса нормативных актов – своего рода силового поля, связывающего нормативные акты в целостные системы и подсистемы»³⁰;

2) оперативные уголовные законы, т. е. федеральные законы о введении в действие и (или) порядке применения УК РФ либо отдельных его положений (например, федеральные законы от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», от 28.12.2004 № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ»). Указанные федеральные законы имеют не только «вспомогательный» характер, но и самым непосредственным образом участвуют в регулировании уголовно-правовых отношений. Так, например, Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ определил порядок освобождения от основного и дополнительного наказания лиц, осужденных до 1 января 1997 г. по УК РСФСР 1960 г. за деяния, которые согласно УК РФ 1996 г. не признаются преступлениями (ст. 3), установил порядок введения в действие положений УК РФ 1996 г. о наказаниях в виде обязательных работ, ограничения свободы и ареста (ст. 4), определил правила назначения вида исправительного учреждения для лиц, признанных особо опасными рецидивистами (ст. 7); Федеральный закон от 28.12.2004 № 177-ФЗ предоставил судам возможность с 10 января 2005 г. назначать уголовное наказание в виде обязательных работ; Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ

---

30 Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 45.

(в ред. Федерального закона от 28.12.2013 № 431-ФЗ) отложил применение уголовного наказания в виде принудительных работ до 1 января 2017 г.;

3) уголовные законы, признанные утратившими силу (в частности, УК РСФСР 1960 г.). В соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния; при этом согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ новый уголовный закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, а уголовный закон, ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Следовательно, если преступление совершено в период действия уголовного закона, признанного утратившим силу (например, во время действия УК РСФСР 1960 г.), а новый уголовный закон (УК РФ 1996 г.) не улучшает положение виновного, то применению подлежит уголовный закон, действовавший во время совершения преступления (УК РСФСР). Иными словами, уголовные законы, признанные утратившими силу, могут в течение определенного времени участвовать в регулировании уголовно-правовых отношений наряду с действующими уголовно-правовыми нормами. Как показывает практика, УК РСФСР 1960 г. успешно продолжает применяться и после 1 января 1997 г.³¹, что позволяет говорить «о параллельном действии старого и нового уголовного закона, которые применяются в соответствии с правилами обратной силы закона и имеют разные временные сферы действия»³².

Итак, УК РФ является основным, но не единственным уголовным законом. Более того, российское уголовное законодательство включает в свой состав не только уголовные законы, но и другие нормативные акты уголовно-правового характера.

---

31 См., напр.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2013 № 5-АПУ13-2 // Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. 2013. № 12; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2011 № 67-Д11-16; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2011 года // СПС «КонсультантПлюс».

32 Бирик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 80.

Сказанное относится, прежде всего, к постановлениям Государственной Думы об объявлении амнистии, которые имеют выраженный нормативный характер и уголовно-правовую отраслевую принадлежность, что находит подтверждение в практике Конституционного Суда Российской Федерации³³. Действительно, акты об амнистии участвуют в регулировании уголовно-правовых отношений, возникших вследствие совершения преступления, непосредственным образом влияют на развитие таких уголовно-правовых отношений и на объем взаимных субъективных прав и обязанностей их участников. Исходя из этого, постановления Государственной Думы об амнистии следует с полным основанием считать составной частью российского уголовного законодательства.

Помимо постановлений об объявлении амнистии, Государственная Дума принимает также постановления о порядке применения постановлений об объявлении амнистии (например, постановление от 18.12.2013 № 3503-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации»³⁴). Как показывает анализ подобных постановлений, они содержат оперативные предписания о порядке применения амнистии, вторичные (производные) уголовно-правовые нормы, конкретизирующие нормы постановления об объявлении амнистии, а также отдельные первичные уголовно-правовые предписания, отсутствующие в самом акте об амнистии³⁵. Нормативный правовой акт с таким содержанием, безусловно, должен находиться на том же уровне в юридической иерархии, что и постановление об объявлении амни-

33 См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2001 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 3059.

34 Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6823.

35 Так, например, в соответствии с подп. 2 п. 6 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18.12.2013 № 3503-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» подпадают под действие постановления об амнистии женщины, имеющие несовершеннолетних детей, которым на день вступления в силу Постановления об амнистии не исполнилось 18 лет, если они не лишены родительских прав. Между тем подобное ограничение в самом постановлении об объявлении амнистии отсутствует.

сти, т. е. на уровне закона (по крайней мере, такой вывод следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2001 № 11-П).

В состав современного российского уголовного законодательства входят также подзаконные уголовно-правовые акты, а именно постановления Правительства Российской Федерации, принятые на основании предписаний Особенной части УК РФ. Так, например, в соответствии с п. 2 примечания к ст. 228 УК РФ «значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также значительный, крупный и особо крупный размеры для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей настоящей статьи, статей 228¹, 229 и 229¹ настоящего Кодекса утверждаются Правительством Российской Федерации». Реализуя делегированные ему полномочия, Правительство Российской Федерации приняло постановление от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации»³⁶, уголовно-правовой характер которого не вызывает сомнений. Примечательно, что уголовно-правовая отраслевая принадлежность этого постановления Правительства Российской Федерации отражена непосредственно в названии, где указывается его предназначение «для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации».

К числу подзаконных уголовно-правовых актов необходимо также отнести следующие постановления Правительства Российской Федерации: от 29.12.2007 № 964³⁷, принятое в соответствии с примечанием к ст. 234 УК РФ; от 27.11.2010 № 934³⁸, приня-

---

36 Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 41. Ст. 5624.

37 Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 2. Ст. 89.

38 Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6696.

тое на основании примечания к ст. 231 УК РФ; от 08.10.2012 № 1020³⁹, принятое в соответствии с примечанием к ст. 228³ УК РФ; от 13.09.2012 № 923⁴⁰, принятое на основании примечания 1 к ст. 226¹ УК РФ; от 31.10.2013 № 978⁴¹, принятое в соответствии с примечанием 3 к ст. 226¹ УК РФ.

Таким образом, декларируемое в ч. 1 ст. 1 УК РФ положение, согласно которому «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса», не соответствует действительности. И это вполне объяснимо, так как кодификация уголовно-правовых норм имеет свои объективные пределы, связанные с тем, что в УК РФ при всем желании невозможно включить все уголовно-правовые нормы. В частности, крайне сложно представить в УК РФ уголовно-правовые нормы, предусматривающие основания и условия применения амнистии, а также порядок ее применения. Это связано с тем, что каждый акт об амнистии индивидуален: в зависимости от конкретного повода, в связи с которым объявляется амнистия, а также ее целей могут существенно разниться категории лиц, подлежащих амнистии, круг преступлений, от уголовной ответственности и наказания за которые освобождаются амнистированные, и т. п. Вряд ли целесообразно включать в кодифицированный уголовный закон и нормы о введении в действие УК РФ либо отдельных его положений, так как они имеют преимущественно технический характер и обычно применяются в течение ограниченного временного периода.

Нормативные правовые акты иных отраслей права. Как уже отмечалось во второй главе настоящего пособия, при бланкетной конструкции уголовного закона положения неуголовных нормативных правовых актов, к которым прямо или косвенно отсылают статьи УК РФ, становятся неотъемлемой частью уголовно-правовых норм. Так, в случае формулирования уголовных запретов посредством указания на нарушение правовых предписаний иных отраслей права (ст. 143, 215, 216–219, 264 УК РФ и др.) в уголовно-правовые нормы включаются различного рода неуголов-

39 Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 42. Ст. 5711.

40 Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 38. Ст. 5133.

41 Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 45. Ст. 5814.

ные правила и требования (охраны труда, пожарной безопасности, дорожного движения и т. д.). В частности, норма, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, содержательно состоит не только из уголовно-правовых предписаний (ст. 264 УК РФ), но и включает предписания Правил дорожного движения, без нарушения которых невозможно нарушить уголовно-правовой запрет в целом. «Разумеется, – отмечает А. В. Наумов, – сами по себе эти правила не превращаются в уголовно-правовой акт (уголовный закон), однако, будучи включенными в содержание диспозиции уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой «материи»⁴².

Положения неуголовных нормативных правовых актов становятся составной частью уголовно-правовой нормы и в тех случаях, когда в статье УК РФ употребляются отдельные термины, имеющие изначально иную отраслевую принадлежность (бланкетные признаки). Как правило, уголовный закон лишь называет подобные бланкетные признаки, а их реальное содержание определяется нормативными правовыми актами иных отраслей права, которые наполняют своим отраслевым материалом соответствующие уголовно-правовые нормы. Причем без привлечения соответствующего неуголовного материала содержание уголовно-правовой нормы будет неполным, что затруднит ее применение либо сделает его вообще невозможным. Можно ли, скажем, применить уголовно-правовую норму об ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, если ограничить ее содержание исключительно предписаниями ст. 198 УК РФ? Отрицательный ответ на этот вопрос представляется довольно очевидным, поскольку содержание целого ряда признаков состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ (предмет этого преступления, способы его совершения), определено в налоговом законодательстве, без «имплантации» положений которого в уголовно-правовую норму таковая не способна в полном объеме выполнять свои функции. А значит, полное содержание уголовно-правовой нормы

---

42 Наумов А. В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 38.

об ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица образуется путем взаимосвязи собственно уголовно-правовых предписаний с положениями налогового законодательства, которые выступают в качестве бланкетной части рассматриваемой нормы.

Таким образом, при бланкетной конструкции уголовного закона уголовно-правовая норма может рассматриваться как системное образование, объединяющее собственно уголовно-правовые предписания с неуголовным нормативным материалом, «имплантированным» в уголовно-правовую норму⁴³. Полное содержание уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, образуется из предписаний УК РФ и положений нормативных правовых актов иных отраслей права, что дает основание для вывода о возможности признания неуголовных нормативных правовых актов формальными источниками уголовного права. Как отмечалось, формальным (юридическим) источником уголовного права является правовой акт, который содержит уголовно-правовую норму или отдельное нормативное предписание, входящее в ее состав. А значит, нормативные правовые акты иных отраслей права, положения которых выступают в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, могут с полным основанием считаться юридическими источниками уголовного права.

Важнейшим подтверждением сделанного вывода является тот факт, что изменение нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности, связанных с уголовным законом, влечет изменение содержания уголовно-правовой нормы. Причем такое изменение «происходит без изменения «буквы» уголовного закона, в чем заключается ценность бланкетного способа формулирования уголовного закона, обеспечивающего его стабильность»⁴⁴.

Так, например, диспозиция ст. 171 УК РФ в качестве альтернативного преступного деяния называет осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно.

43 Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 99.

44 Наумов А. В. Указ. соч.

В момент вступления в силу УК РФ перечень видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию, определялся постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.1994 № 1418 «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁴⁵ (утратило силу). Затем этот перечень был изменен Федеральным законом от 25.09.1998 № 158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁴⁶ (утратил силу), Федеральным законом от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁴⁷ (утратил силу), а в последующем – Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁴⁸, который действует в настоящее время. При этом номенклатура лицензируемых видов деятельности весьма существенно сократилась, что автоматически привело к сужению содержания уголовно-правового запрета. В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 17 постановления от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»⁴⁹ разъяснил, что «если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), исключен соответствующий вид деятельности, в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 171 УК РФ».

Ярчайшим примером изменения содержания уголовно-правового запрета под влиянием изменений в неуголовных нормативных актах является «эпопея» с уголовно-правовыми нормами об ответственности за хищение в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты.

Как известно, законодатель не включил в ст. 158-160 УК РФ указание о минимальном размере уголовно-наказуемого хищения.

---

45 Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 69.

46 Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 39. Ст. 4857.

47 Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3430.

48 Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

49 Российская газета. 2004. 7 дек.

Однако в силу взаимозависимости границ уголовно-правового и административно-правового регулирования такое указание «выводилось» из предписаний ст. 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (далее – КоАП РСФСР), действовавшего на момент вступления в силу УК РФ. Согласно примечанию к ст. 49 КоАП РСФСР хищение чужого имущества признавалось мелким, если стоимость похищенного имущества не превышало одного минимального размера оплаты труда, установленного законодательством. Соответственно, ст. 158–160 УК РФ применялись только в тех случаях, когда стоимость предмета преступления превышала один минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством на момент совершения хищения.

Вступивший в силу с 1 июля 2002 г. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях значительно повысил размер мелкого хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, определив его на уровне пяти минимальных размеров оплаты труда (примечание к ст. 7.27 КоАП РФ в первоначальной редакции), что автоматически привело к сужению сферы применения соответствующих уголовно-правовых запретов. Большинство специалистов расценили подобное изменение административного законодательства как декриминализацию хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, причинивших ущерб на сумму до пяти минимальных размеров оплаты труда⁵⁰. По такому же пути пошли и судебно-следственные органы, которые с момента вступления в силу нового КоАП РФ стали квалифицировать по ст. 158–160 УК РФ только те хищения, стоимость предмета которых превышала пять минимальных размеров оплаты труда.

Однако по прошествии четырех месяцев законодатель продемонстрировал пример обратного порядка – когда изменение КоАП РФ приводит к расширению сферы действия уголовно-правовых норм. Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ «О

---

50 Наумов А. В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 39; Волженкин Б. Мелкое хищение чужого имущества // Уголовное право. 2002. № 4. С. 8; Бриллиантов А. В., Бурковская В. А. Понятие мелкого хищения и общие вопросы уголовного законодательства // Российский следователь. 2003. № 5. С. 21–22.

внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» размер административно-наказуемого хищения, совершенного в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, вновь был понижен до одного минимального размера оплаты труда, что не преминуло сказаться и на содержании соответствующих уголовно-правовых норм. Обратное понижение верхней «планки» мелкого хищения до одного минимального размера оплаты труда привело к расширению сферы применения ст. 158–160 УК РФ, которые вновь (как и в период действия ст. 49 КоАП РСФСР) стали вменяться при стоимости похищенного, превышающей один минимальный размер оплаты труда. Причем подобное изменение содержания названных уголовно-правовых норм опять-таки произошло вследствие изменения неуголовного нормативного правового акта, в то время как уголовный закон в части определения предмета хищения не изменился.

Очередное изменение размера мелкого хищения состоялось в результате принятия Федерального закона от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение», который изложил примечание к ст. 7.27 КоАП РФ в следующей редакции: «Хищение чужого имущества признается мелким, если стоимость похищенного имущества не превышает сто рублей». И понижение максимального размера административно-наказуемого хищения вновь повлияло (и не могло не повлиять) на содержание (в сторону расширения) уголовно-правовых норм об ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату.

Наконец, Федеральный закон от 16 мая 2008 г. № 74-ФЗ вновь повысил максимальный размер мелкого хищения, теперь уже до одной тысячи рублей, что в очередной раз привело к изменению (в сторону сужения) содержания уголовно-правовых норм об ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату.

Не вдаваясь в рассуждения о криминологической обоснованности подобных законодательных решений относительно границы между уголовно-наказуемым и мелким хищением (скорее даже не решений, а «шараханий» из одной крайности в другую, свидетельствующих о бессистемности проводимой в России уголовно-правовой политики), отметим, что все рассматриваемые трансформации содержания уголовно-правовых норм об ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату произошли без изменения собственно уголовно-правовых предписаний. И этот факт является неопровержимым подтверждением того, что указанные уголовно-правовые нормы состоят не только из предписаний УК РФ, но и включают в свой состав административно-правовой нормативный материал. А значит, формальными источниками соответствующих уголовно-правовых норм являются не только УК РФ (источник собственно уголовно-правовых предписаний), но и КоАП РФ (источник бланкетной части соответствующих уголовно-правовых норм).

Таким образом, если изменяется бланкетная часть уголовно-правовой нормы, то неизбежна трансформация нормы в целом, что подтверждает идею о необходимости признания нормативных правовых актов иных отраслей права юридическими источниками уголовного права.

При этом следует иметь в виду, что неуголовные нормативные правовые акты не устанавливают признаков состава преступления (хотя такое мнение встречается в уголовно-правовой литературе⁵¹). Признаки составов преступлений, в том числе и бланкетные, могут быть определены только УК РФ, а функция нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности сводится к наполнению их нормативным содержанием.

Практика показывает, что в отдельных случаях в неуголовных законах (в частности, в УПК РФ, УИК РФ, Федеральном законе «О противодействии терроризму») формулируются самостоятельные уголовно-правовые предписания, не имеющие бланкетной взаимосвязи с УК РФ, которые довольно активно применяются

51 См.: Гаухман Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. М., 2002. С. 48–49.

в качестве регуляторов уголовно-правовых отношений. Вопреки принципу законности, закреплённому в ст. 3 УК РФ, некоторые неуголовные законы вторгаются в сферу уголовно-правового регулирования, самым непосредственным образом влияя на развитие уголовно-правовых отношений. При этом наиболее активной экспансии сфера уголовно-правового регулирования подвергается со стороны УПК РФ. Так, например, согласно ст. 25 и 27 УПК РФ, вступившего в силу с 1 июля 2002 г., прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием возможно при совершении преступлений небольшой или средней тяжести, тогда как УК РФ до изменений, внесенных Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ, распространял возможность освобождения от уголовной ответственности по указанным основаниям только на лиц, совершивших преступления небольшой тяжести. Длительное время (практически десять лет) именно предписания УПК РФ являлись нормативной основой специальных правил назначения наказания при наличии согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), несмотря на то что УК РФ подобных правил не предусматривал (они были включены в уголовный закон лишь Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ). Нельзя не упомянуть и ч. 2 ст. 443 УПК РФ, которая ограничивала применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим деяния небольшой тяжести, регулируя тем самым уголовно-правовые отношения, возникающие по поводу совершения общественно опасного деяния лицом, находящимся в состоянии невменяемости (соответствующие ограничения были сняты только после принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2013 № 10-П).

Впрочем, говорить о том, что все факты расхождения уголовного и уголовно-процессуального законов уже устранены и с УПК РФ полностью снята несвойственная ему нагрузка по регулированию уголовно-правовых отношений, весьма преждевременно. Достаточно обратиться к предписаниям ст. 461 УПК РФ «Пределы уголовной ответственности лица, выданного Российской Федерацией». В соответствии с ч. 1 ст. 461 УПК РФ «лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в

качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче». Указанное нормативное предписание имеет не только уголовно-процессуальный, но и материальный уголовно-правовой характер, так как содержит дополнительное ограничение пределов уголовной юрисдикции Российской Федерации, не предусмотренное ст. 11–12 УК РФ.

Не составит большого труда отыскать предписания, дополняющие УК РФ, и в других неуголовных законах, например в УИК РФ, в Федеральном законе «О противодействии терроризму», на что уже обращалось внимание во второй главе настоящего пособия.

Это заставляет по-новому взглянуть на уголовно-правовое значение нормативных актов иных отраслей права, вынуждает признать, что его нельзя рассматривать исключительно через призму бланкетности уголовного закона, так как неуголовные нормативные правовые акты выступают не только в качестве источника бланкетной части уголовно-правовых норм, но и в целом ряде случаев являются внешними формами выражения собственно уголовно-правовых предписаний. Иными словами, юридическими источниками российского уголовного права являются две разновидности нормативных правовых актов иных отраслей права: а) неуголовные нормативные правовые акты, предписания которых выступают в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм; б) иноотраслевые нормативные правовые акты, которые содержат самостоятельные уголовно-правовые нормы.

Констатируя это обстоятельство, нельзя не отметить, что практика формулирования самостоятельных уголовно-правовых норм, не имеющих бланкетной связи с УК РФ, в нормативных правовых актах иных отраслей права вызывает серьезные сомнения с точки зрения ее социально-юридической обоснованности. Она входит в противоречие с уголовно-правовым принципом законности, размывает отраслевое деление законодательства, создает предпосылки для возникновения коллизий между УК РФ и уголовно-правовыми нормами, расположенными за его пределами. Поэтому уголовно-правовые нормы, не имеющие бланкетной связи с УК

РФ, должны быть исключены из неуголовных нормативных правовых актов.

Настаивая на необходимости «очищения» неуголовных законов от уголовно-правовых норм, необходимо подчеркнуть, что практическая реализация этой идеи не должна сводиться только лишь к механической ликвидации соответствующих норм. Учитывая, что подобные уголовно-правовые нормы успешно встроены в механизм уголовно-правового регулирования и востребованы в правоприменительной практике, «аннулирование» их вряд ли оправдано; такие нормы следует переместить в УК РФ, исключив из неуголовных законов. Что же касается тех уголовно-правовых предписаний, которые прямо противоречат положениям УК РФ, блокируют применение уголовного закона, то их нужно исключить из правового поля (как это, в частности, было сделано с ч. 2 ст. 443 УПК РФ, которая была признана неконституционной).

Глава 4. Судебные решения в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права

Решения Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции России Конституционный Суд Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации федеральных законов (в том числе и уголовного); нормативные правовые акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу (ч. 7 ст. 125 Конституции Российской Федерации). Цитируемые конституционные предписания не оставляют сомнений в том, что постановление Конституционного Суда Российской Федерации о признании нормативного правового акта либо его отдельного положения не соответствующим Конституции России имеет выраженную нормативную природу, так как, «отменяя правовую норму, суд фактически создает новую норму»⁵². Аналогичную позицию относительно юридической природы своих решений занимает и сам Конституционный Суд Российской Федера-

---

⁵² Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 7–8.

ции, указывая, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа» (п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П⁵³). В этой связи постановления Конституционного Суда Российской Федерации о неконституционности нормативных актов признаются одним из формальных источников российского права, а сам Конституционный Суд именуется «негативным» либо «отрицательным» законодателем.

Представляется, что сказанное полностью применимо и к отечественному уголовному праву, отдельные положения которого утрачивали юридическую силу именно на основании решения Конституционного Суда Российской Федерации об их несоответствии основному закону России. Так, в постановлении от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова»⁵⁴ Конституционный Суд Российской Федерации признал, что положения п. «а» ст. 64 УК РСФСР, квалифицирующие бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы как форму измены Родине, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее ст. 27 (ч. 2), 55 (ч. 3). Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации фактически осуществил частичную декриминализацию преступления, так как признание отдельных указанных положений п. «а» ст. 64 УК РСФСР противоречащими Конституции Российской Федерации привело к утрате ими юридической силы. Причем, как справедливо указывает в этой связи А. В. Наумов, после этого решения суды были обязаны в соответствующих случаях выносить оправдательные приговоры, ссылаясь именно на указанное решение Конституционного Суда Российской Федерации⁵⁵.

53 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

54 Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 54.

55 Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 57.

Ярчайшим примером, не оставляющим никаких сомнений относительно нормативного уголовно-правового значения решений Конституционного Суда Российской Федерации, является постановление от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян»⁵⁶. Указанным постановлением Конституционный Суд Российской Федерации признал «не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), нормативное положение части первой статьи 188 УК Российской Федерации в той мере, в какой оно позволяет – во взаимосвязи с примечанием к статье 169 данного Кодекса – при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, совершаемую путем перемещения через таможенную границу Российской Федерации недекларированной или недостоверно декларированной иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации в крупном, т. е. превышающем в эквиваленте 250 000 рублей, размере, признавать его таковым исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Российскую Федерацию без письменного декларирования». Таким образом, своим постановлением Конституционный Суд Российской Федерации фактически внес изменения в УК РФ, признав ч. 1 ст. 188 УК РФ частично не соответствующей Конституции России.

Следует отметить, что негативное уголовно-правовое нормотворчество Конституционного Суда Российской Федерации затрагивает не только УК РФ, но и иные федеральные законы, в которых содержатся самостоятельные уголовно-правовые нормы, не имеющие бланкетной связи с уголовным законом. Так, например, в постановлении от 21.05.2013 № 10-П⁵⁷ Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения ч. 2 и 4

---

⁵⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 24. Ст. 2892.

⁵⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 22. Ст. 2861.

ст. 443 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 21, 41 (ч. 1), 45, 46 (ч. 1 и 2), 52 и 123 (ч. 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они исключают для суда возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, и при этом по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или окружающих.

Итак, постановление Конституционного Суда Российской Федерации о признании уголовно-правовой нормы полностью либо частично противоречащей Конституции России реализует функцию так называемого «негативного правотворчества» и равносильно принятию федерального закона о внесении изменений в УК РФ или иной закон, содержащий уголовно-правовые предписания. При этом такое постановление обладает свойством самодостаточности, т. е. действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами (ч. 2 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Поэтому законодательная отмена уголовно-правовой нормы, не соответствующей Конституции Российской Федерации, не требуется, так как эта норма становится недействительной с момента оглашения постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Таким образом, именно постановление Конституционного Суда Российской Федерации о неконституционности уголовно-правовой нормы вносит изменения в уголовное законодательство, выводит из него признанную не соответствующей Конституции России норму.

Уголовно-правовые нормы, признанные неконституционными, утрачивают юридическую силу не с момента их принятия, а с момента провозглашения постановления Конституционного Суда Российской Федерации (ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), что подтверждает его правоустанавливающий характер. При этом постановление Конституционного Суда Российской Федерации лишает юридической силы не только конкретную норму, которая

признана неконституционной, но и «дисквалифицирует» другие нормы, сходные по содержанию той, в отношении которой вынесено решение о противоречии Конституции России (ч. 2 ст. 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В то же время уголовно-правовое значение решений Конституционного Суда Российской Федерации не ограничивается только «негативным правотворчеством». В своих постановлениях и определениях Конституционный Суд Российской Федерации конкретизирует «конституционно-правовой смысл» оспариваемых положений уголовного закона, устраняет их неопределенность, восполняет их регулятивную недостаточность, формулируя тем самым «позитивные» уголовно-правовые нормы.

В подтверждение сказанного приведем пример правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которая сформулирована в его постановлении от 20.04.2006 № 4-П⁵⁸. Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации явилась ч. 2 ст. 10 УК РФ, которая по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не допускала в связи с изданием нового уголовного закона, смягчающего ответственность за преступление, снижение назначенного осужденному наказания ниже верхнего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ в редакции этого закона, причем даже в тех случаях, когда ранее назначенное наказание являлось минимальным или когда наказание на основании ст. 64 УК РФ было назначено ниже низшего предела. Такая практика была основана на предписаниях ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», которая предписывает привести меры наказания в отношении лиц, осужденных

---

58 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 18. Ст. 2058.

по УК РСФСР 1960 г. и не отбывших наказание, в соответствии с УК РФ 1996 г. только в тех случаях, когда назначенное судом наказание является более строгим, чем установлено верхним пределом санкции соответствующей статьи УК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил признать ч. 2 ст. 10 УК РФ не противоречащей Конституции России, «поскольку содержащаяся в ней норма по своему конституционно-правовому смыслу... предполагает смягчение наказания, назначенного по приговору суда, в связи с изданием уголовного закона, смягчающего ответственность за преступление и имеющего обратную силу, в пределах, предусмотренных нормами как Особенной, так и Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции этого закона». Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, «содержащееся в ней (в ч. 2 ст. 10 УК РФ) предписание о смягчении назначенного по приговору суда наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, предполагает применение общих начал назначения наказания, в силу которых в такого рода случаях смягчение наказания будет осуществляться в пределах, определяемых всей совокупностью норм Уголовного кодекса Российской Федерации – не только Особенной его части, но и Общей. Иное, ограничительное, истолкование части второй статьи 10 УК Российской Федерации, а именно как допускающей возможность снижения назначенного осужденному наказания только до верхнего предела санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации... не соответствует буквальному смыслу данной нормы и не вытекает из положений Конституции Российской Федерации, предопределяющих ее содержание и значение в системе действующего уголовно-правового регулирования». Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «положение части второй статьи 10 УК Российской Федерации о сокращении наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, в системной связи с частью первой той же статьи означает, что при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом – независимо от того, в какой процессуальной стадии решается данный вопрос, – подлежат применению все установлен-

ные Уголовным кодексом Российской Федерации в редакции этого закона правила, как общие, так и специальные, в соответствии с которыми вопрос о наказании разрешается при постановлении приговора, включая правила назначения наказания ниже низшего предела, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при рецидиве преступлений».

Таким образом, своей правовой позицией Конституционный Суд Российской Федерации конкретизировал содержание ч. 2 ст. 10 УК РФ, четко предписал иной (соответствующий Конституции России) вариант ее понимания и применения, отличный от того, который доминировал на практике. При этом предписанный рассматриваемым постановлением Конституционного Суда Российской Федерации конституционно-правовой смысл ч. 2 ст. 10 УК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой уголовно-правовой нормы в правоприменительной практике. Следовательно, в соответствующих случаях правоприменительные органы обязаны применять ч. 2 ст. 10 УК РФ с учетом рассматриваемой правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которая конкретизировала, уточнила содержание этой уголовно-правовой нормы.

Непосредственное уголовно-правовое нормативное значение имеет и правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 10.07.2003 № 270-О⁵⁹. Этим решением Конституционный Суд Российской Федерации признал, что ст. 10 УК РФ и п. 13 ст. 397 УПК РФ «не исключают возможность придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования». Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой

---

⁵⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2003 № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вест. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2003. № 5.

принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...». Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации установил правила действия во времени уголовно-правовых норм, сформулированных бланкетным образом, т. е. создал новое «позитивное» уголовно-правовое предписание.

Говоря об уголовно-правовом нормативном значении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, нельзя не упомянуть известное постановление от 02.02.1999 № 3-П⁶⁰ и разъясняющее его определение от 19.11.2009 № 1344-О-Р⁶¹. Выступая в качестве правовой основы неприменения смертной казни в России, указанные решения Конституционного Суда Российской Федерации, безусловно, имеют уголовно-правовое нормативное значение.

Таким образом, решения Конституционного Суда Российской Федерации можно считать юридическими источниками как «негативных», так и «позитивных» уголовно-правовых норм, юридическая сила которых уступает только конституционным предписаниям. Занимая в системе источников российского уголовного права столь высокое место, решения Конституционного Суда Российской Федерации выполняют в ней системосохраняющую функцию. Лишая юридической силы уголовно-правовые нормы, не соответствующие Конституции России, или придавая им «конституционно-правовое звучание», решения Конституционного Суда

60 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 6. Ст. 867.

61 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 48. Ст. 5867.

Российской Федерации тем самым обеспечивают соответствие (непротиворечие) иных формальных источников уголовного права основному закону, сохраняют их в конституционно-правовом поле, препятствуют разрушению субординационных связей, замыкающихся на Конституцию России.

Решения Европейского Суда по правам человека. Являясь участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.)⁶², Россия признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»⁶³).

Правда, из п. 1 ст. 46 Конвенции и ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» следует, что обязательными для судов и других органов государственной власти Российской Федерации являются только те решения Европейского Суда по правам человека, которые приняты в отношении России. Однако это вовсе не означает, что решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные в отношении иных государств, не имеют для России юридического значения. Важнейшей особенностью решений Европейского Суда по правам человека является их прецедентный характер⁶⁴, так как «контрольные органы Конвенции считают себя связанными своими предыдущими решениями»⁶⁵. Исходя из этого Европейский Суд по правам человека активно использует правовые позиции, сформулированные в решениях по делам против одних стран, для мотивации своих решений по делам против других

---

62 Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

63 Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

64 Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004.

65 Гомбен Д., Харрис Д., Заак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 4.

стран – членов Совета Европы, в том числе и тех, которые присоединились к Конвенции о защите прав человека и основных свобод уже после вынесенного Судом прецедентного решения, не исключая и Россию.

Таким образом, если резолютивная часть решения Европейского Суда по правам человека обязательна только для конкретного государства – участника Совета Европы, то правовые позиции, положенные в основу этого решения, имеют уже общеобязательное значение, распространяясь и на другие государства, не участвующие в деле. В практическом плане это означает, что юридически обязательными для России являются не только те постановления Европейского Суда по правам человека, которые вынесены в ее отношении, но и другие решения Суда в части, касающейся толкования (а по сути – развития) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Игнорирование последних способно дезориентировать национального правоприменителя относительно содержания Конвенции о защите прав человека и основных свобод и привести к нарушениям ее положений. В этой связи Комитет министров Совета Европы неоднократно подчеркивал, что «необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют ее в своих правовых системах так, как она понимается в решениях Европейского Суда по правам человека»⁶⁶.

Такой подход нашел подтверждение и в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которому «применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод». А в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных

⁶⁶ Применение Конвенции о защите прав человека в судах России // Серия «Международная защита прав человека». Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 17–18.

свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»⁶⁷ отмечается, что «с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда». Тем самым Пленум фактически подтвердил обязательность правовых позиций Европейского Суда по правам человека, вне зависимости от того, вынесено ли решение Суда по жалобе в отношении России либо иного государства – участника Совета Европы. Поэтому российские суды в качестве юридической основы своих решений используют правовые позиции, которые содержатся в постановлениях Европейского Суда по правам человека, принятых по жалобам не только в отношении России, но и в отношении других стран. Так, например, в определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации содержатся ссылки на постановления Европейского Суда по правам человека от 17.09.2009 по делу «С. (S.) против Италии (№ 2)»⁶⁸, от 10.06.1996 по делу «Томанн (Thomann) против Швейцарии»⁶⁹, от 29.07.2004 по делу «Сан Леонард Бэнд Клуб (San Leonard Band Club) против Мальты»⁷⁰, от 10.02.2011 по делу «Д. против Украины»⁷¹.

Если обязательность решений Европейского Суда по правам человека для российского правоприменителя достаточно очевидна, то вопрос об их содержании решается не столь однозначно. С одной стороны, ст. 45 Конвенции о защите прав человека и основных свобод наделяет Европейский Суд по правам человека юрисдик-

---

67 Российская газета. 2013. 5 июля.

68 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.06.2013 № 74-Д13-5 // СПС «КонсультантПлюс».

69 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2010 № 25-Д10-21 // СПС «КонсультантПлюс».

70 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2012 № 85-Д12-25 // СПС «КонсультантПлюс».

71 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.01.2012 № 5-О11-263 // СПС «КонсультантПлюс».

цией по вопросам толкования и применения Конвенции. С другой стороны, более чем полувековая практика деятельности Европейского Суда по правам человека свидетельствует о том, что его решения не только толкуют Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, но и развивают, дополняют ее новыми нормами, которые приобретают обязательную силу для всех государств — участников Конвенции.

Дело в том, что Европейский Суд по правам человека в своей деятельности исходит из концепции так называемого «либерального толкования», в соответствии с которой Конвенция о защите прав человека и основных свобод должна толковаться настолько широко, насколько позволяет это сделать компетенция Суда и цели Конвенции, так как только в этом случае возможно обеспечивать реальную и эффективную защиту прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, в соответствии с условиями сегодняшнего дня⁷². Как подчеркивается в постановлении Европейского Суда от 06.11.1980 по делу «Гуццарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*), жалоба 7367/76, решения Европейского Суда по правам человека служат не только для разрешения споров, которые ему переданы, но, более широко, для прояснения, охраны и развития норм Конвенции и для способствования соблюдению государствами обязательств, которые они на себя приняли⁷³. Таким образом, посредством «либерального толкования» Европейский Суд по правам человека не только раскрывает, но и вносит изменения в объем и содержание прав и свобод, на нарушение которых жалуется заявитель, руководствуясь тем, что «Конвенция должна толковаться в свете условий сегодняшнего дня»⁷⁴.

Нетрудно заметить, что либеральное толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, осуществляемое Европейским Судом по правам человека, имманентно содержит в себе

---

72 См., напр.: постановление Европейского Суда по правам человека от 18.12.1996 по делу «Лонзиду против Турции» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 362.

73 Микеле де Сальвиа. Указ.соч. С. 776–777.

74 Постановление Европейского Суда по правам человека от 14.11.2000 по делу «Аннони ди Гузола против Франции» (*Annoni di Gussola and others v. France*), жалоба № 31819/96; № 33293/96. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 14.07.2014).

нормотворческие элементы. Конечно же, нормативный характер имеют далеко не все постановления Европейского Суда по правам человека⁷⁵, что отчетливо прослеживается в базе решений Европейского Суда HUDOC. Все постановления Европейского Суда подразделяются в ней на четыре категории (уровня) по степени их значимости: категория «Case Reports», в которую входят решения, отобранные Судом для публикации в официальных отчетах (эта категория появилась сравнительно недавно – в 2013 г.)⁷⁶; постановления I категории (high importance), к которой относятся решения, вносящие значительный вклад в развитие, уточнение или изменение конвенционных норм и практики Европейского Суда; постановления II категории (medium importance), к которой отнесены решения, не ограничивающиеся простым применением сложившейся практики Европейского Суда, хотя и не вносящие значительного вклада в ее развитие; постановления III категории (low importance), которые ограничиваются применением Конвенции и сложившейся практики Европейского Суда. На 1 июня 2015 г. из 45 809 постановлений Европейского Суда по правам человека к категории «Case Reports» отнесено 6000 (13,1%), к I категории – 3728 (8,1%), ко II категории – 9753 (21,3%), к III категории – 26 326 (57,5%) решений. Получается, что нормативное значение имеют не более 10% постановлений Европейского Суда по правам человека (постановления I категории), которые развивают, дополняют, конкретизируют Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, становясь, таким образом, ее неотъемлемой частью. А поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод является составной частью правовой системы России (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации) и выступает в качестве одного из юридических источников российского права, имеются все

---

75 См.: Денисова А. Постановления Европейского Суда по правам человека в системе источников российского уголовного права // Уголовное право. 2014. № 1. С. 120–121.

76 Если решение отнесено к категории «Case Reports», оно уже не будет отнесено ни к одной из ранее применявшихся категорий. Другими словами, если раньше решение числилось относившимся к I категории, а теперь оно отнесено к категории «Case Reports», то оно уже не будет числиться относящимся к I категории. При этом к категории «Case Reports» могут быть отнесены только решения, принятые Европейским Судом по правам человека, начиная с 1 ноября 1998 г.

основания признать такой статус и за нормативными постановлениями Европейского Суда по правам человека.

Сказанное в равной мере относится ко всем отраслям российского права, включающим в состав своих юридических источников Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и отечественное уголовное право в этом смысле не является исключением. Некоторые из постановлений Европейского Суда по правам человека имеют непосредственное уголовно-правовое значение и, будучи обязательными для российского правоприменителя, оказывают нормативно-регулятивное воздействие на участников уголовно-правовых отношений.

Так, например, в постановлении от 07.07.1989 по делу «Серинг против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*), жалоба № 14038/88, Европейский Суд по правам человека указал: «Вряд ли соответствовало бы основополагающим ценностям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а именно «общему наследию политических традиций и идеалов, уважения свободы и верховенства права», о которых говорится в Преамбуле, если бы государства-участники выдавали преступника, скрывающегося от правосудия, другому государству, заведомо зная о последствиях, имея веские основания полагать, что он может быть подвергнут пыткам, каким бы жестоким ни было преступление, в котором он обвиняется. Экстрадиция при таких обстоятельствах, хотя об этом и не говорится в прямой форме в краткой и общей формулировке ст. 3 Конвенции, явно вступала бы в противоречие с духом и очевидным смыслом этой статьи и это подразумеваемое обязательство распространяется на случаи, когда скрывающийся от правосудия преступник столкнулся бы в государстве, которому он будет выдан, с реальным риском стать жертвой бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, запрещаемых в соответствии с данной статьей»⁷⁷.

Нормативное уголовно-правовое значение имеют и правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно пределов уголовной ответственности за клевету, в соответствии с

---

⁷⁷ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 641–645.

которыми при решении вопроса о наличии признаков клеветы следует в обязательном порядке учитывать статус лица, распространившего предположительно клеветнические сведения; положение лица, против которого была направлена критика; предмет соответствующих сведений, а также их формулировку (постановление Европейского Суда по делу «Джерусалем против Австрии» (Jerusalem v. Austria), жалоба № 26958/95, § 35⁷⁸; постановление Европейского Суда от 22.02.2007 по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации», жалоба № 12365/03, § 35⁷⁹; постановление Европейского Суда от 08.10.2009 по делу «Порубова (Porubova) против Российской Федерации», жалоба № 8237/03, § 41⁸⁰).

Европейский Суд по правам человека придерживается мнения, что если оспариваемые сведения распространяются журналистом, содеянное «должно рассматриваться в контексте важной роли прессы в обеспечении надлежащего функционирования политической демократии»⁸¹, вследствие чего «ограничения журналистской свободы, предусмотренные пунктом 2 Статьи 10 Конвенции, должны толковаться в узком смысле и необходимость любого такого ограничения должна быть установлена убедительным образом»⁸². Следовательно, применяя ст. 128¹ УК РФ, нужно учитывать «роль журналистов и прессы в распространении информации и идей по вопросам, представляющим всеобщий интерес, даже если они могут оскорблять, шокировать или причинять беспокойство»⁸³. Это означает, что представители журналистского сообщества могут быть привлечены к уголовной ответственности за клевету лишь в случае явного злоупотребления правом на свободу слова.

Подчеркивая необходимость учета статуса потерпевшего от

---

78 URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 15.07.2014).

79 СПС «КонсультантПлюс».

80 СПС «КонсультантПлюс».

81 См.: постановление Европейского Суда от 08.07.1986 по делу «Лингенс против Австрии» (Lingens v. Austria), Series A, № 103, § 41; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрэк против Турции (№ 1)» (Surek v. Turkey (no. 1), жалоба № 26682/95, § 59, ECHR 1999-IV. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 15.07.2014).

82 См.: постановление Европейского Суда по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации», § 36.

83 См.: постановление Европейского Суда по делу «Порубова (Porubova) против Российской Федерации», § 50.

клеветы, Европейский Суд по правам человека указывает, что пределы критики в отношении профессиональных политиков шире по сравнению с частным лицом. Выйдя на политическую арену, профессиональный политик «неизбежно и сознательно открывает себя для тщательного наблюдения за каждым своим словом и поступком со стороны журналистов и большей части общества, и, следовательно, он должен проявлять большую степень терпимости»⁸⁴. По мнению Европейского Суда, «право общественности быть информированной, которое имеет существенное значение в демократическом обществе, может распространяться даже на аспекты частной жизни публичных фигур, особенно если речь идет о политиках»⁸⁵. Исходя из этого, правоприменительные органы должны подходить к уголовно-правовой оценке фактов распространения в СМИ не соответствующих действительности сведений о политических деятелях с особой осторожностью, имея в виду, что «путем сообщения фактов – даже спорных, способствующих дискуссии в демократическом обществе относительно политиков при исполнении ими своих обязанностей, пресса исполняет свою крайне важную роль «публичного контролера» в демократическом обществе, обеспечивая распространение информации и идей по вопросам всеобщего интереса»⁸⁶.

Игнорирование вышеизложенных правовых позиций Европейского Суда по правам человека способно привести к необоснованному осуждению за клевету⁸⁷.

Существенное влияние на правоприменительную деятельность по уголовным делам оказывают правовые позиции Европейского

---

⁸⁴ См.: постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии», § 42; постановление Европейского Суда по делу «Красуля (Krasulya) против Российской Федерации», § 37.

⁸⁵ См.: постановление Европейского Суда по делу «Компания «Эдисон Плон» против Франции» (Editions Plon v. France), жалоба № 58148/00, § 53, ECHR 2004-IV. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 15.07.2014).

⁸⁶ См.: постановление Европейского Суда по делу «Фон Ханновер против Германии» (Von Hannover v. Germany), жалоба № 59320/00, § 63, ECHR 2004-VI. URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 16.07.2014); постановление Европейского Суда от 08.10.2009 по делу «Порубова (Porubova) против Российской Федерации», жалоба № 8237/03, § 45.

⁸⁷ См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2009 № 301П08 // Бюл. Верх. Суда Рос. Федерации. 2009. № 9.

Суда по правам человека, в которых выработаны критерии разграничения правомерных оперативно-розыскных мероприятий и провокационно-подстрекательской деятельности (постановление Европейского Суда от 09.07.1998 по делу «Тейшейра де Кастро против Португалии» (Teixeira de Castro v. Portugal), Reports 1998-IV⁸⁸; постановление Большой Палаты Европейского Суда от 05.02.2008 по делу «Раманаускас против Литвы» (Ramanauskas v. Lithuania), жалоба № 74420/01⁸⁹; постановление Европейского Суда от 15.12.2005 по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации», жалоба № 53203/99⁹⁰; постановление Европейского Суда от 04.11.2010 по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации», жалоба № 18757/06⁹¹; постановление Европейского Суда от 26.10.2006 по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации», жалоба № 59696/00⁹²; постановление Европейского Суда от 02.10.2012 по делу «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации», жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10⁹³). Правовые позиции, сформулированные в указанных постановлениях Европейского Суда, имеют не только уголовно-процессуальное, но и материальное уголовно-правовое значение, поскольку самым непосредственным образом влияют на квалификацию общественно опасных деяний, совершенных в результате провокационной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В частности, они приводят к выводу, что лицо, совершившее преступное деяние в результате провокации, не подлежит уголовной ответственности. Как отмечают в этой связи В. С. Комиссаров и П. С. Яни, «если должностное лицо получает, по его представлению, незаконное вознаграждение за действия (бездействие) по службе, но принятие им такого вознаграждения происходит в процессе проводимых в отношении его ОРМ не по инициативе должностного лица, либо хотя формально, и по его предложению, но в условиях, искусственно созданных, смодели-

---

88 URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 17.07.2017).

89 URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 16.07.2017).

90 СПС «КонсультантПлюс».

91 СПС «КонсультантПлюс».

92 СПС «КонсультантПлюс».

93 СПС «КонсультантПлюс».

рованных сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, когда ничего не предполагало, что деяние было бы совершено без их вмешательства, указанные действия сотрудников правоохранительных органов являются... провокационными по сути, юридически – подстрекательскими, а потому исключают уголовную ответственность спровоцированного, склоненного к совершению соответствующего деяния должностного лица за получение взятки. Таким образом, благодаря решениям ЕСПЧ, воспринятым высшим судебным органом России, провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась»⁹⁴. Этот вывод находит свое подтверждение и в судебной практике⁹⁵.

М-ву органами предварительного следствия было предъявлено обвинение в том, что он, являясь должностным лицом – главой местного самоуправления Сосновского муниципального района Нижегородской области, совершил покушение на получение взятки в крупном размере за выполнение действий в пользу Б-ва и представляемого им ООО «Магнат» по предоставлению в собственность земельного участка, которые входили в его служебные полномочия.

Суд пришел к выводу о том, что в действиях М-ва отсутствует состав преступления, и оправдал его по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ.

В кассационном представлении государственный обвинитель указал, в частности, что вывод суда о провокационном характере

---

94 Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 3–8.

95 См., напр.: определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2008 по делу № 9-008-4 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2013 № 11-Д13-33 // СПС «КонсультантПлюс»; см. также Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2013 № 81-013-11; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2010 № 56-Д10-26 // СПС «КонсультантПлюс».

оперативно-розыскных мероприятий несостоятелен: данные мероприятия проведены для проверки имеющейся информации о получении М-м взяток и в строгом соответствии с законом.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор суда без изменения, указав, в частности, следующее.

Суд всесторонне, полно, объективно исследовал все обстоятельства дела и обоснованно пришел к выводу о том, что в действиях М-ва отсутствует состав инкриминируемого ему преступления.

Судом установлено, что свидетель Б-в выступал представителем ООО «Магнат», реквизиты которого использовались для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении М-ва, и без ведома руководства данного общества. В ходе оперативно-розыскных мероприятий Б-в от имени ООО «Магнат» встречался с главой местного самоуправления Сосновского муниципального района М-м и обсуждал с ним варианты приобретения земельного участка. При этом отсутствуют доказательства того, что до вмешательства Б-ва у органа, проводившего оперативно-розыскные мероприятия, были основания подозревать М-ва в получении взяток. Простое заявление сотрудника милиции А. в суде о том, что РУБОП располагал секретной информацией о получении подсудимым взяток, которая не была представлена суду, не может быть принято во внимание. Оперативно-розыскной орган не ограничился пассивным фиксированием предполагаемой преступной деятельности М-ва, а инициировал проведение оперативно-розыскного мероприятия с участием Б-ва, хотя ничто не предполагало, что деяние было бы совершено без его вмешательства.

При таких обстоятельствах суд сделал обоснованный вывод о том, что орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, спровоцировал получение М-м денег⁹⁶.

Аналогичный вывод об отсутствии состава получения коммерческого подкупа был сделан Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и в решении по

---

96 Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2008 г. по делу № 9-008-4 // СПС «Консультант Плюс».

другому делу, причем юридической основой для такого вывода послужили правовые позиции Европейского Суда по правам человека.

Мустафин И. М. признан виновным в незаконном получении лицом, выполняющим управленческие функции в организации, денег за совершение действий в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением. Из материалов уголовного дела усматривается, что 19 августа 2011 г. к Мустафину И. М., являвшемуся председателем правления СНТ <...>, обратился Ф. – оперуполномоченный ОРЧ ЭБ и ПК <...> МВД по Республике <...>, который действовал в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», с просьбой выдать ему за деньги справку, содержащую ложные сведения о том, что получатель справки выращивает на участке в СНТ <...> сельскохозяйственную продукцию, и дающую основания для предоставления торгового места на рынке. Для получения доказательств сотрудниками правоохранительных органов была использована помощь Ф., действовавшей в рамках проводимого оперативного мероприятия, которая 20 и 25 августа 2011 г. обращалась к Мустафину И. М. от имени Ф. с просьбой выдать ей за деньги данную справку.

Основываясь на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, а также постановлениях Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян против Российской Федерации» и по делу «Худобин против Российской Федерации», Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что «принятие Мустафиным И. М. денежных средств в сумме <...> рублей в результате склонения его к преступлению не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние, в этом случае в содеянном отсутствует состав преступления»⁹⁷.

---

97 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 11-Д13-33 // СПС «Консультант Плюс». См. также: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. № 81-013-11; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2010 № 56-Д10-26 // СПС «Консультант Плюс».

Приведенные примеры убедительно доказывают, что постановления Европейского Суда по правам человека, развивающие и дополняющие договорные нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступают в качестве одного из формальных источников российского уголовного права.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Одним из наиболее дискуссионных вопросов теоретического учения о формальных источниках российского уголовного права является вопрос о возможности признания таковыми постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Действующее законодательство, в отличие от советского, не содержит прямого указания об обязательности постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В настоящее время полномочия Верховного Суда Российской Федерации на дачу разъяснений по вопросам судебной практики зафиксированы в ст. 126 Конституции Российской Федерации, в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁹⁸, в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»⁹⁹, но при этом ни один из указанных нормативных правовых актов не называет эти разъяснения обязательными. Однако это не означает, что постановления Пленума утратили обязательный характер.

Во-первых, об их обязательности свидетельствует сам факт конституционного закрепления за Верховным Судом Российской Федерации полномочий давать разъяснения по вопросам судебной практики. Как совершенно справедливо отмечает А. В. Наумов, «статья 126 Конституции Российской Федерации помещена в главе о судебной власти, и там текстуально прописаны властные полномочия Верховного Суда Российской Федерации и в числе их названа дача разъяснений по вопросам судебной практики»¹⁰⁰.

---

⁹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

⁹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.

¹⁰⁰ См.: Наумов А. В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовная ответственность и проблемы исполнения наказаний: сб. науч. тр. / [отв. за вып. В. С. Минская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2009. С. 49.

Во-вторых, обязательность постановлений Пленума подтверждается фактическим воздействием, которое они оказывают на субъектов уголовно-правовых отношений. Опросы, проводимые различными исследователями, показывают, что для большинства судей обязательность постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации не вызывает никаких сомнений. Так, по данным А. Ножкиной, о необходимости обязательного применения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации заявили 96 % опрошенных судей¹⁰¹, а по результатам аналогичного исследования, осуществленного О. Н. Бибином, лишь 5 % судей отрицают обязательный характер постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (соответственно 95 % опрошенных судей считают их обязательными)¹⁰². Во многом сходный (хотя и не столь абсолютный) результат показало и наше исследование: 80,9 % судей признают обязательность постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и лишь 15,5 % из них полагают, что они имеют рекомендательный характер (еще 3,6 % судей затруднились с ответом на соответствующий вопрос).

В-третьих, весомым аргументом в пользу обязательности постановлений Пленума является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная им в постановлении от 31.03.2015 № 6-П¹⁰³. Оценивая юридическую природу писем Федеральной налоговой службы, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «обязательность содержащихся в них разъяснений для налогоплательщиков нормативно не закреплена. Вместе с тем – поскольку в силу принципа ведомственной субординации территориальные налоговые органы обязаны в правоотношениях с налогоплательщиками руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм

101 См.: *Ножкина А.* Судебная практика как источник уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2002. № 3. С. 80 – 81.

102 См.: *Бибин О. Н.* Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 150.

103 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // СПС «КонсультантПлюс».

налогового законодательства – такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков». При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в основе решения вопроса о возможности признания писем Федеральной налоговой службы нормативными правовыми актами «должно лежать наличие у этого акта нормативных свойств (оказывает ли он общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц – участников соответствующих правоотношений, рассчитан ли он на многократное применение)».

Проецируя эту правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, следует однозначно признать, что постановления Пленума обладают общеобязательным и нормативным характером.

Содержание постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам не ограничивается интерпретацией УК РФ. Практически в каждом из них можно обнаружить предписания, не выводимые из уголовного закона, которые осуществляют конкретизацию уголовно-правовых норм, разрешают сложные уголовно-правовые вопросы, не имеющие однозначного законодательного решения, компенсируют пробелы в УК РФ. При этом существование в постановлениях Пленума подобных нормативных предписаний является объективно обусловленным и необходимым, так как даже при самом высоком уровне законодательной техники практически невозможно создать систему уголовно-правовых норм, полностью лишенную противоречий, смысловой неопределенности, пробелов (не говоря уже о реальном, весьма далеком от совершенства уровне техники конструирования уголовного закона и бессистемности вносимых в него изменений).

Разумеется, наиболее предпочтительным способом устранения подобных дефектов уголовного закона является его законодательная коррекция. Однако внесение в УК РФ необходимых изменений требует значительного времени, в течение которого дефекты

уголовного закона вынужден исправлять Пленум Верховного Суда Российской Федерации посредством установления нормативных предписаний, снимающих неопределенность уголовного закона, конкретизирующих содержание УК РФ. В результате до внесения необходимых изменений в УК РФ именно постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации восполняют регулятивную недостаточность уголовного закона, о чем наглядно свидетельствуют многочисленные примеры.

Причем подзаконное нормотворческое развитие уголовного закона является не исключением, не каким-то единичным случаем, а объективно обусловленной регулярной функцией постановлений Пленума. При этом тот факт, что конкретизирующие уголовный закон положения, формулируемые Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, имеют вторичный характер, производный от уже существующих уголовно-правовых норм, ничуть не препятствует признанию их нормативности. Правовая норма остается таковой вне зависимости от того, является ли она «первичной» либо имеет производный характер.

Наиболее ярко нормативный характер постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации проявляется в тех случаях, когда сформулированные в них положения компенсируют пробелы в уголовном законодательстве. Так, например, хорошо известно, что пробел в законодательной регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, длительное время компенсировало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 «О применении судами законодательства, обеспечивающих право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Задолго до появления в уголовном законе нормы о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, указанное постановление Пленума предписывало причинение такого вреда по правилам о необходимой обороне, создавая тем самым правовую основу для исключения преступности соответствующих деяний и восполняя пробел в советском уголовном законодательстве.

УК РФ также не лишен пробелов, которые до их устранения законодателем вынужден восполнять Пленум Верховного Суда

Российской Федерации. Так, например, согласно ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. Однако при этом УК РФ не регламентирует правила назначения наказания указанным категориям несовершеннолетних в случаях, когда санкция статьи, предусматривающей ответственность за совершение соответствующего преступления, содержат лишение свободы в качестве единственного вида основного наказания (например, ч. 2 ст. 112, ч. 1 и 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122 УК РФ). Компенсирует этот пробел постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2009 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания». Согласно абз. 3 п. 18 указанного постановления, «если несовершеннолетнему в силу положений части 6 статьи 88 УК РФ не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой он осужден, не предусматривает иного вида наказания, то суду следует назначить ему другой, более мягкий, вид наказания, который может быть назначен несовершеннолетнему с учетом положений части 1 статьи 88 УК РФ. При этом в резолютивной части приговора необходимо указать на применение судом части 6 статьи 88 УК РФ».

Итак, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации осуществляют нормативную конкретизацию уголовного закона и применяются для регулирования уголовно-правовых отношений при наличии пробелов в УК РФ, что позволяет с полным основанием говорить об их нормативном значении. При этом, как отмечалась нами ранее, они обладают общеобязательной юридической силой, что в совокупности с их нормативным уголовно-правовым характером приводит к однозначному выводу – постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации являются юридическими источниками российского уголовного права и официально должны быть признаны в качестве таковых.

Может сложиться впечатление, что в официальном признании постановлений Пленума источниками российского уголовного права нет особой надобности, поскольку и без такого признания они на протяжении многих десятилетий фактически используются в этом качестве. Однако такое впечатление обманчиво, так как ситуация, когда постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации *de jure* не признаны формальными источниками уголовного права, а *de facto* являются таковыми, имеет мало общего с законностью и чревата серьезными нарушениями прав человека.

Во-первых, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации изменчивы, причем их изменение может самым непосредственным образом повлиять на содержание уголовно-правовых норм. Так, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (в настоящее время утратило силу) разъяснялось, что «преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий». Однако в новом постановлении от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» Пленум Верховного Суда Российской Федерации изменил свою позицию относительно момента юридического окончания указанных преступлений, указав, что «преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией части 1 статьи 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не

зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по части 3 статьи 30 УК РФ и по статье 150 УК РФ либо статье 151 УК РФ». Если бы подобное улучшение лица, совершившего преступление, было осуществлено на уровне уголовного закона, то оно, безусловно, имело бы обратную силу. Однако оно связано не с изменениями ст. 150 и 151 УК РФ, а с трансформацией конкретизирующих уголовно-правовых предписаний, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда, что не позволяет придать этим предписаниям обратную силу.

Во-вторых, без официального признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации юридическими источниками уголовного права не решить весьма острую проблему обеспечения их соответствия уголовному закону. Только при условии такого признания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации можно будет включить в предмет конституционного нормоконтроля и четко определить рамки нормотворческой судебной конкретизации уголовного закона. В противном случае нам придется еще долго мириться с наличием в постановлениях Пленума уголовно-правовых предписаний, не соответствующих УК РФ, утешая себя иллюзорной мыслью, что при обнаружении таких коллизий суды будут отдавать предпочтение уголовному закону.

Глава 5. Структурное строение системы формальных (юридических) источников российского уголовного права

В общей теории права структурное строение системы юридических источников права принято рассматривать с позиции их иерархии. Показательным в этом плане является следующее высказывание: «Источники права, выстроенные по принципу их иерархической соподчиненности, образуют систему источников права. Ее вертикальная структура строится таким образом, что предписания нисходящих источников права издаются на основе и во исполнение норм вышестоящих источников и любая норма в рамках этой системы должна соответствовать нормам источни-

ка высшей юридической силы, замыкающего эту вертикаль»¹⁰⁴. Аналогичное представление характерно и для отраслевой уголовно-правовой науки, в которой вопрос о структурном строении системы формальных источников уголовного права решается также преимущественно с иерархических позиций.

Такой подход к структурному строению системы формальных источников российского уголовного права имеет большое значение, так как «строгое соблюдение требований иерархии, с одной стороны, способствует предотвращению возникновения иерархических коллизий, с другой – является надежным средством их разрешения»¹⁰⁵. Подчеркивая необходимость соответствия правовых актов более низкого уровня источникам, занимающим более высокое место в иерархии, иерархический принцип структурной композиции рассматриваемой системы при условии его последовательной реализации, безусловно, способствует развитию системных начал в уголовном праве, повышению качества уголовного правотворчества и правоприменения, а значит, и укреплению законности. Вместе с тем получить полное представление о структурном строении системы юридических источников уголовного права исключительно на основе иерархического подхода невозможно, так как он акцентирует внимание только на субординационных связях, оставляя за рамками иные системообразующие связи, без которых эта система не может функционировать.

Для функционирования рассматриваемой системы, сохранения ее целостности и стабильности имеют значение три вида системообразующих связей: субординационные связи; соответствующие им обратные связи; координационные связи.

Субординационные (иерархические) связи обеспечивают подчинение, задают содержательное соответствие (непротиворечие) источников уголовного права с меньшей юридической силой источникам с большей юридической силой, т. е. определяют иерархию источников уголовного права. Тем самым субординационные

104 *Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2008. С. 265.*

105 *Толстик В. А. Указ. соч. С. 47.*

связи являются залогом непротиворечивости уголовно-правового регулирования и устойчивости рассматриваемой системы.

При всем разнообразии точек зрения относительно иерархического соотношения различных формальных источников уголовного права практически ни у кого не вызывает сомнений иерархический приоритет Конституции Российской Федерации, которая обладает высшей юридической силой, вследствие чего «законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч. 1 ст. 15 Конституции России). Поскольку Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой, ни один из правовых актов, относящихся к юридическим источникам уголовного права, не может ей противоречить; если же подобное противоречие все же возникнет, то конституционные положения будут применяться непосредственно, а противоречащее Конституции России уголовно-правовое предписание будет заблокировано или утратит юридическую силу на основании решения Конституционного Суда Российской Федерации (разумеется, если соответствующее предписание станет предметом его рассмотрения). Тем самым Конституция Российской Федерации обеспечивает стабильность функционирования системы источников уголовного права, выполняя в ней системосохраняющую функцию.

Непосредственно за Конституцией России в вертикальной (иерархической) плоскости структурной композиции системы формальных источников российского уголовного права располагаются решения Конституционного Суда Российской Федерации. Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации превышает силу не только федеральных законов, но и федеральных конституционных законов, поскольку, во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации своим решением может лишить эти законы юридической силы, а во-вторых, «юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта» (ч. 2 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Иерархический приоритет решений

Конституционного Суда Российской Федерации сохраняется и в отношении международных договоров России, выступающих в качестве формальных источников российского уголовного права, на что уже обращалось внимание во второй главе данного издания.

На третьем уровне иерархии юридических источников уголовного права, связанных отношениями субординации, располагаются международные договоры России. Как уже отмечалось, ч. 4 ст. 15 Конституции России содержит прямое указание относительно приоритета международных договоров России по отношению к федеральным законам, устанавливая, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Поскольку УК РФ и иные уголовные законы являются разновидностью федеральных законов, указанное коллизийное правило и вытекающие из него субординационные связи должны действовать и в системе источников уголовного права.

В то же время нельзя не учитывать, что применение этого коллизийного правила в уголовно-правовой сфере ограничено предписаниями УК РФ, согласно которым «новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс» (ч. 1 ст. 1 УК РФ); «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3 УК РФ). Поэтому иерархический приоритет международных договоров России по отношению к УК РФ – в зависимости от вида расхождения между указанными юридическими источниками уголовного права – проявляет себя в двух различных вариантах:

а) если несоответствие УК РФ международному договору России проявляется в том, что в национальном уголовном законе не предусмотрена норма об ответственности за деяние, преступность которого определена международным актом, то непосредственное применение последнего для регулирования уголовно-правовых отношений исключено. Приоритет норм международного уголовного права будет заключаться в обязанности России обеспечить соответствие национального уголовного законодательства дей-

ствующим международным договорам путем криминализации соответствующего деяния в УК РФ во исполнение международно-правовых обязательств;

б) если противоречие, коллизия УК РФ с международным договором, имеющим силу для России, не связана с различным объемом криминализации деяний, то приоритет международной договорной нормы означает возможность ее непосредственного применения для регулирования уголовно-правовых отношений.

Как уже отмечалось, отдельные международные договоры России, входящие в систему источников российского уголовного права, дополняются решениями международных судов, имеющими обязательную юридическую силу и нормативное уголовно-правовое значение. В частности, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод в содержательном плане дополняют постановления Европейского Суда по правам человека, которые фактически становятся неотъемлемой составной частью Конвенции, что дает основание считать их формальными источниками российского права (в том числе и уголовного). При этом правовые позиции, выработанные в решениях Суда, обладают равной с Конвенцией юридической силой. На это обстоятельство обращает внимание Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что, «как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод... – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права»¹⁰⁶. Следовательно, в системе источников российского уголовного права, связанных субординационными связями, реше-

---

¹⁰⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. 14 февр.

ния Европейского Суда по правам человека, имеющие нормативное уголовно-правовое значение, должны быть расположены на одном иерархическом уровне с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Четвертый уровень в иерархии источников российского уголовного права, связанных связями субординации, занимают уголовные законы. Впрочем, тот факт, что уголовные законы иерархически подчинены основному закону России, решениям Конституционного Суда Российской Федерации, а также международным договорам России, ни в коем случае не дает оснований считать их «второстепенными» источниками российского уголовного права. Уголовные законы с полным основанием считаются базовыми источниками уголовного права, поскольку именно они определяют преступность и наказуемость деяний (ст. 3 УК РФ), в связи с чем на них приходится наибольшая «нагрузка» по урегулированию уголовно-правовых отношений, тогда как источники высших трех уровней, несмотря на их иерархический приоритет, применяются для непосредственного регулирования соответствующих отношений гораздо реже (в случаях пробельности, неопределенности уголовного закона либо его коллизии с Конституцией России или международным актом).

На этом же (четвертом) уровне вертикальной структуры исследуемой нами системы находятся постановления Государственной Думы об объявлении амнистии, которые, как уже отмечалось, по своему уровню и материально-правовому содержанию приравнены Конституционным Судом Российской Федерации к уголовным законам, а также постановления Государственной Думы о порядке применения принятых ею постановлений об объявлении амнистии, выполняющие функции оперативных уголовных законов.

Следует отметить, что в настоящее время на четвертом иерархическом уровне рассматриваемой системы располагаются также неуголовные федеральные законы, содержащие самостоятельные уголовно-правовые предписания (в частности, УПК РФ, УИК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму»), которые дополняют УК РФ, восполняют существующие в нем пробелы, тем самым непосредственно участвуя в регулировании уголовно-пра-

вовых отношений. Признавая это обстоятельство, нельзя вместе с тем не отметить, что для системы источников уголовного права этот элемент (неуголовные законы, содержащие уголовно-правовые предписания) не является функционально необходимым; напротив, он затрудняет нормальное функционирование рассматриваемой системы. Включение самостоятельных уголовно-правовых предписаний в неуголовные законы не только размывает границы системы источников уголовного права, нарушает ее целостность, но и создает потенциальную возможность для возникновения неразрешимых юридических коллизий. Это подтверждает необходимость исключения неуголовных законов из вертикальной структуры источников уголовного права.

Пятый – самый нижний – уровень в иерархическом строении системы источников уголовного права занимают постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые осуществляют нормативную конкретизацию предписаний УК РФ, являясь источником вторичных уголовно-правовых предписаний, а также восполняют пробелы в уголовном законе до их законодательного устранения, выступая тем самым в качестве источника первичных норм уголовного права. Несмотря на известные противоречия в доктринальных оценках юридической природы и уголовно-правового значения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, подавляющее большинство специалистов полностью солидарны в том, что они должны иметь исключительно подзаконный характер. Однако при этом чуть ли не в каждой публикации, посвященной анализу постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам, констатируется, что Пленум далеко выходит за рамки толкования и нормативной конкретизации уголовного закона, формулируя в своих постановлениях первичные уголовно-правовые предписания, которые дополняют, корректируют положения УК РФ, а в ряде случаев – прямо противоречат законодательным установлениям.

По идее, когда в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации формулируются уголовно-правовые предписания, противоречащие УК РФ, приоритетом должен обладать уголовный закон, который занимает более высокое место в ие-

рархии и обладает большей юридической силой, чем постановления Пленума. Однако, как показывает практика, общеизвестные правила разрешения иерархических коллизий в таких ситуациях фактически не работают. Большинство опрошенных сотрудников правоприменительных органов (65,7 %), научных сотрудников и преподавателей (75,6 %) отмечают, что противоречия между УК РФ и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации разрешаются на практике в пользу постановлений Пленума, что свидетельствует о деформации субординационных связей между указанными источниками. Причем отсутствие действенного механизма разрешения противоречий между уголовным законом и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации объясняется довольно просто – постановления Пленума, несмотря на их фактическую обязательность и нормативное уголовно-правовое значение, до сих пор официально не признаны в качестве формальных источников уголовного права, что затрудняет применение к ним общепринятых правил преодоления иерархических коллизий. Поэтому обеспечить подчиненность постановлений Пленума уголовному закону, придать им подзаконный характер можно только при условии, что они будут официально признаны источниками уголовного права.

Рассматривая структурное строение системы формальных источников уголовного права в вертикальной плоскости, следует учитывать, что помимо субординационных связей, направленных сверху вниз, в исследуемой системе существуют также связи, действующие в обратном направлении (снизу вверх), т. е. обратные связи, которые также имеют большое значение для функционирования и устойчивого развития рассматриваемой системы. Обратное влияние формальных источников уголовного права, обладающих меньшей юридической силой, на источники с большей юридической силой имеет ряд проявлений.

Во-первых, обратные связи находят свое проявление в подключении источников с меньшей юридической силой к регулированию уголовно-правовых отношений при регулятивной недостаточности источников с большей юридической силой. В частности, такого рода обратные связи действуют между постановлениями Пле-

нума Верховного Суда Российской Федерации и УК РФ. Если в УК РФ имеются смысловая неопределенность, противоречие или пробел, то для их устранения (восполнения) задействуются уголовно-правовые предписания, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Преодолевая смысловую неопределенность уголовного закона, осуществляя его нормативную конкретизацию, компенсируя имеющиеся в нем пробелы, сформулированные в постановлениях Пленума предписания восполняют регулятивную недостаточность УК РФ.

Во-вторых, оно выражается в переносе уголовно-правовых предписаний, сформулированных в источниках нижних уровней, на более высокие «этажи» иерархической структуры рассматриваемой нами системы. В качестве примера такого рода обратной связи между источниками уголовного права отметим, что некоторые нормативные предписания, изначально содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, впоследствии были закреплены в уголовном законе (в частности, предписания о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, определение организованной группы и др.). Аналогичным образом международные договоры России, выступающие в качестве формальных источников российского уголовного права, во многом черпают свое содержание из национальных уголовных законов договаривающихся сторон, в том числе и из УК РФ. Более того, содержание уголовно-правовых по своему характеру предписаний, зафиксированных в Конституции Российской Федерации, также можно в некотором смысле считать заимствованным из источников, обладающих меньшей юридической силой. Конечно же, в отличие от субординационных связей, которые выражаются в «силовом» подчинении одних источников другим, обратные связи являются намного более слабыми. Уголовно-правовые предписания, первоначально зафиксированные в правовом акте низшего иерархического уровня, поднимаются на более высокий уровень только в тех случаях, когда законодатель принимает решение повысить их статус и юридическую силу с учетом их значимости для уголовно-правового регулирования.

С точки зрения развития обратных связей система формальных источников российского уголовного права имеет значительный потенциал для дальнейшего совершенствования, так как внешняя форма выражения некоторых уголовно-правовых предписаний очевидно не соответствует их содержанию. В частности, специалистам хорошо известно, что в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержится немало первичных уголовно-правовых норм, которые, по идее, должны быть зафиксированы в УК РФ. Показательным в этом контексте является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», которое регламентирует условия правомерности необходимой обороны, причем регламентирует первично (путем восполнения законодательного пробела), а не в порядке подзаконной конкретизации. Между тем правила законодательной техники и логика уголовно-правового регулирования требуют того, чтобы соответствующие первичные уголовно-правовые предписания были сформулированы в УК РФ. «Если государство действительно заинтересовано в реализации подобного рода прав (права на необходимую оборону, на задержание лица, совершившего преступление), гарантии их реализации в полном объеме должны быть регламентированы в самом уголовном законе»¹⁰⁷.

Перевода на более высокий иерархический уровень – на уровень УК РФ – требуют и содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации правила квалификации преступлений. При этом на закрепление в кодифицированном уголовном законе в первую очередь должны претендовать так называемые общие правила квалификации преступлений, которые хотя и выработаны применительно к конкретным видам преступлений, но имеют универсальный характер: правило квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм с квалифицирующими и привилегированными признаками (п. 16 постановления

¹⁰⁷ Вечаровский И. Информационный аспект действия уголовного закона // Уголовное право. 2008. № 2. С. 26.

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»); правила квалификации преступления, переросшего в другое преступное деяние (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»); правило, в соответствии с которым при признании преступления совершенным организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»), и др.

Наряду с вертикальными связями, в системе формальных источников уголовного права действуют горизонтальные (координационные) связи, которые выражаются в согласовании и взаимодействии источников, выполняющих различные функции. Как уже отмечалось, в системе формальных источников уголовного права проявляется функциональное «разделение труда»: одни источники уголовного права содержат регулятивные уголовно-правовые предписания (в частности, УК РФ, акты об амнистии, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации), другие – предписания, которые определяют содержание бланкетных признаков составов преступлений (подзаконные уголовно-правовые акты, нормативные правовые акты иных отраслей права), а третьи – являются внешней формой выражения предписаний обоих видов (Конституция России, международные договоры). При этом для урегулирования конкретного уголовно-правового отношения необходимо объединение собственно уголовно-правовых предписаний с предписаниями, выступающими в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, что достигается за счет координационных связей между различными источниками уголовного права. Именно координационные связи обеспечивают согласованное взаимодействие источников с различными функциями, позволяя объединить содержащиеся в них предписания в единый регулятор

(полную уголовно-правовую норму, требуемую правоприменителю).

Чаще всего координационные связи возникают между УК РФ и нормативными правовыми актами иных отраслей права. Поскольку УК РФ регулирует уголовно-правовые отношения, а уголовные нормативные правовые акты – общественные отношения иной отраслевой природы, между указанными источниками уголовного права не может быть отношений субординации и «предметной» конкуренции. Их связь имеет характер согласованного взаимодействия, взаимовыгодного сотрудничества, при котором уголовные нормативные правовые акты предоставляют свои предписания для уголовно-правовых нужд (наполнения нормативным содержанием бланкетных признаков составов преступлений), а УК РФ, в свою очередь, подключает свой потенциал для охраны общественных отношений, изначально урегулированных уголовными нормативными правовыми актами. «Соединяясь в динамичные системы с нормами практически всех отраслей права, оно (уголовное право) не только имплантирует их предписания в свою ткань для определения границ между преступным и не преступным, но и само передает им часть своей юридической энергии, присутствуя в качестве потенциальной силы, например, при заключении гражданско-правовой сделки, охраняя стороны от возможных мошеннических действий; в процессе применения административно-правовых мер по пресечению нарушений общественного порядка, защищая жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудников правоохранительных органов, и т. п. Напоминание о возможности подключения жестких мер государственного принуждения в случае выхода конфликта за пределы регулирования определенной отрасли – одна из функций уголовно-правового запрета, опирающегося при описании признаков состава преступления на регулятивные нормы этих отраслей права»¹⁰⁸.

Каналами координационной связи между юридическими источниками уголовного права является бланкетная форма конструирования уголовного закона: восходящая бланкетность связывает УК

---

108 Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. С. 18.

РФ с Конституцией России и международными договорами; горизонтальная бланкетность – с нормативными правовыми актами иных отраслей права; нисходящая – с подзаконными уголовно-правовыми актами. При этом вне зависимости от вида бланкетности координационные связи замыкаются на уголовный закон, который выступает в качестве центра системы источников российского уголовного права.

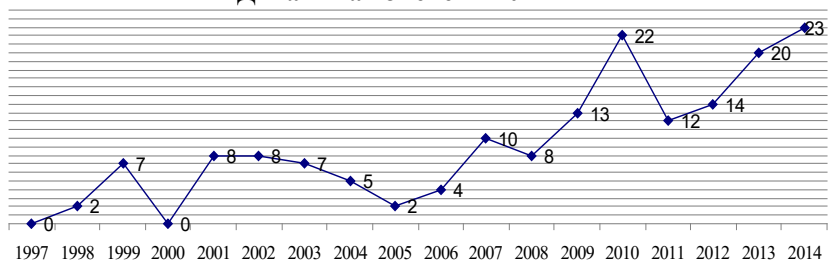
Сочетание различных видов системообразующих связей позволяет рассматривать структуру исследуемой системы в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной. В вертикальной плоскости действуют субординационные (иерархические) и обратные им связи, посредством которых достигаются непротиворечивость и полнота уголовно-правового регулирования; в горизонтальной – координационные связи, которые позволяют добиться высокой степени адаптивности уголовно-правовых норм, сделать их более гибкими, приспособленными для охраны динамично развивающихся «позитивных» общественных отношений. Такая структурная конструкция порождает функционально упорядоченное взаимодействие всех элементов системы источников российского уголовного права, обеспечивает их внутреннюю согласованность, что отвечает потребностям уголовно-правового регулирования.

Глава 6. Основные тенденции развития системы формальных (юридических) источников уголовного права России

Наиболее заметной и, одновременно, наиболее значимой тенденцией развития системы формальных источников российского уголовного права является прогрессирующая деформация ее центра – Уголовного кодекса Российской Федерации, которая стала закономерным следствием беспрецедентных по скорости и масштабу изменений, вносимых в этот нормативный правовой акт.

С момента принятия УК РФ в его текст внесено более 3 тыс. изменений. На 20 октября 2015 г. принято 178 федеральных законов о внесении изменений в УК РФ, причем частота соответствующих поправок только возрастает, о чем свидетельствуют данные, приведенные на графике.

Динамика изменений УК РФ

Так, в 2009 г. принято 13 федеральных законов о внесении изменений в УК РФ, в 2010 г. — 22, в 2011 г. — 12, в 2012 г. — 14, в 2013 г. — 20, а в 2014 г. — 23 подобных закона. Таким образом, начиная с 2009 г., УК РФ подвергается изменениям в среднем не реже одного раза в месяц, причем нередко случаи, когда в один день принимается несколько федеральных законов, корректирующих УК РФ (например, 28 декабря 2013 г. и 21 июля 2014 г. было принято по 5 законов о внесении изменений в УК РФ, а 05 мая 2014 г. — 6 таких законов).

В результате столь интенсивного реформирования из 256 статей, бывших в первоначальной редакции Особенной части УК РФ, не подвергались корректировке только 9 (из них 5 статей об ответственности за воинские преступления, 3 статьи об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, 1 статья об ответственности за должностные преступления), что составляет всего 3,5 %.

Впрочем, столь стремительное реформирование УК РФ само по себе не представляло бы опасности, если все эти изменения носили последовательный, целеустремленный характер, отражали единую линию его совершенствования и имели под собой научно обоснованную концептуальную основу. Однако, как показывает практика, это далеко не так. По признанию авторитетных специалистов, «вносимые в уголовный закон многочисленные изменения ... отражают утвердившийся, к большому сожалению, в государстве режим управления общественными процессами, при котором в основу принимаемых решений кладутся неизвестные и непонятные даже специалистам субъективные представления отдельных

носителей власти или их окружения. ... Управление процессами развития уголовного права в таких случаях обходится без всестороннего коллективного обсуждения имеющихся здесь проблем. Оно, как правило, движимо «одной человеческой силой», одним разумом и одной волей. И потому подвержено сиюминутным настроениям, не имеет четко заданного вектора, осуществляется не на системно-плановой основе, а по принципу «стимул – реакция» («вызов – ответ»). В современных сложнейших (неоднозначных, многовариантных, нелинейных и т. п.) процессах социального бытия подобное управление сферой борьбы с преступностью, как технология глубоко архаичная, является стратегически контрпродуктивным и даже опасным»¹⁰⁹.

В отсутствии внятной концепции уголовной политики поспешное «перекраивание» УК РФ неизбежно отражается на качестве принимаемых законодательных решений, многие (если не большинство) из которых являются непоследовательными, бессистемными, не соответствующими социально-криминологическим реалиям. Многочисленные примеры непродуманных изменений уголовного законодательства обсуждаются чуть ли не на каждом уголовно-правовом форуме и хорошо известны специалистам¹¹⁰. Причем масштабы противоречий, накопившихся в УК РФ, настолько велики, что он фактически утратил системность – важнейшее свойство кодифицированного закона. В связи с этим в уголовно-правовой науке не без оснований констатируется «декодификация» уголовного законодательства¹¹¹.

---

109 Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 35–45. См. также: Рапог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24–32.

110 В этой связи приводить на страницах настоящего пособия конкретные примеры, демонстрирующие противоречивость и бессистемность вносимых в УК РФ изменений, излишне, тем более, что они уже были рассмотрены в нашей публикации: Обращивев К. В. Перспективы развития системы юридических источников уголовного права в свете современной уголовно-правовой политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2013 г.: в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2013. Т. I. С. 164–173.

111 См.: Кленова Т. В. Принципы и пределы кодификации уголовного закона // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / ответ. ред. докт. юрид. наук, проф. В. С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 106–107.

Поскольку УК РФ является центром, ядром системы формальных источников российского уголовного права, его прогрессирующая деформация закономерно сказывается (да и не может не сказаться) на всей рассматриваемой системе, определяя векторы ее развития на ближайшие годы и среднесрочную перспективу. В частности, при сохранении существующих темпов внесения изменений в УК РФ, чуть ли не полностью подчиненных конъюнктурным соображениям, а также недопустимо низкого качества законодательной техники, в системе юридических источников уголовного права можно с достаточно высокой вероятностью прогнозировать повышение значения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Они позволяют обеспечить непротиворечие уголовного законодательства Конституции Российской Федерации, сохранить его в конституционно-правовом поле. Лишая юридической силы уголовно-правовые нормы, не соответствующие Основному закону России, решения Конституционного Суда Российской Федерации выступают в качестве своего рода «предохранителя», который срабатывает в системе юридических источников уголовного права при возникновении в ней сбоя субординации, «выключения» из нее неконституционный правовой акт.

На современном этапе эта системосохраняющая функция решений Конституционного Суда Российской Федерации будет крайне востребованной, поскольку в процессе «реформирования» (а, по сути дела, деформирования) отечественного уголовного законодательства игнорируются даже учредительные конституционные установки, что приводит к активизации «негативного» уголовного правотворчества. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со справочными правовыми системами (например, «Консультант Плюс»), в которых действующая редакция УК РФ представлена с изменениями, внесенными Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 10 октября 2013 г. № 20-П, от 19 ноября 2013 г. № 24-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П, от 11 декабря 2014 г. № 32-П, от 16 июля 2015 г. № 22-П. Нетрудно заметить, что большинство «негативных» уголовно-правовых норм (решений о неконституционности положений УК РФ и связанных с ними

предписаний регулятивного законодательства) выработано Конституционным Судом Российской Федерации в последние годы. Причем ему, скорее всего, придется еще не раз «дисквалифицировать» уголовно-правовые нормы, противоречащие Конституции России, так как по признанию специалистов в области уголовного права, «разнотчений между Основным и отраслевым законом предостаточно»¹¹².

Так, например, А. В. Елинский считает неконституционным примечание 1 к ст. 134 УК РФ, согласно которому «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Как отмечает автор, оно не соответствует Семейному кодексу Российской Федерации, так как вступление в брак после совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ едва ли можно назвать добровольным, поскольку очевидно, что оно преследует единственную цель – избежать уголовного наказания. «В этом смысле можно говорить о том, что примечание к ст. 134 УК РФ вступает в противоречие с взаимосвязанными положениями ст. 17 (ч. 3), 18, 38 (ч. 1) и 72 (п. «к» ч. 1) Конституции Российской Федерации»¹¹³.

Некоторые специалисты оспаривают конституционность ст. 76.1 УК РФ, предусматривающей основания и условия освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в экономической сфере (в том числе – некоторых преступлений в области таможенного дела), считая ее не соответствующей конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции России). Комментируя эту уголовно-правовую норму, А. П. Жуков и

---

112 Бойко А. И. Ящик Пандоры (или программа проверочных работ Конституционного Суда РФ в области уголовного закона) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 286. См. также: Жалинский А. Э. О конституционности уголовного законодательства / Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 306–309.

113 См.: Елинский А. В. Примечание к ст. 134 УК РФ как норма, противоречащая Конституции РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 320–321).

Т. Г. Жукова вполне справедливо отмечают, что «правоприменитель обязан освободить от ответственности лицо, совершившее преступление, указанное в ст. 76.1 УК РФ, если оно заплатит государству «откуп». Учитывая, что преступление, от ответственности за которое лицо освобождено, при установлении множественности преступлений не учитывается, последующее совершение аналогичного деликта следует рассматривать как совершение его «вторые». Соответственно, систематически занимаясь незаконной предпринимательской деятельностью, лицо рискует, что придется заплатить, может даже больше чем удалось заработать, но может не бояться понести уголовную ответственность. В рассмотренных случаях возможность «откупиться» от уголовной ответственности закон связывает только с имущественным положением виновного, нарушая тем самым принцип равенства всех перед законом»¹¹⁴.

В уголовно-правовой литературе высказываются сомнения и в конституционности ст. 159.2 УК РФ (введена Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), предусматривающей повышенную (в сравнении с ответственностью за иные виды мошенничества) ответственность за мошенничество при получении выплат. Обращая внимание на это обстоятельство, В. И. Тюнин указывает, что «при получении выплат ущерб причиняется бюджету, государству. Таким образом, законодатель более строго карает за посягательства на государственную и муниципальную собственность, если преступление совершено в крупном или особо крупном размере. ...Закрепление формы собственности в качестве критерия, влекущего различные по строгости меры наказания, противоречит ч. 2 ст. 8 Конституции России о равной защите всех форм собственности»¹¹⁵.

Сомнения в конституционности этих и других уголовно-правовых норм может разрешить только Конституционный Суд Российской Федерации, причем, по всей видимости, сделать это ему придется довольно скоро, учитывая заметную активизацию граждан

114 См.: Жуков А. П., Жукова Т. Г. К вопросу о реализации конституционного принципа равенства всех перед законом в уголовном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 152–155.

115 См.: Тюнин В. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. № 2. С. 35–41.

в плане реализации своего права на обращение к конституционной юстиции. Соответствующие решения Конституционного Суда Российской Федерации, безусловно, пополняют систему формальных источников уголовного права, обогатят уголовно-правовое регулирование новыми «негативными» нормами (в случае, если оспариваемые уголовно-правовые предписания будут признаны неконституционными) либо «позитивными» нормативными предписаниями (если обжалуемые положения УК РФ будут признаны соответствующими Конституции России в строго определенном «конституционно-правовом смысле»).

На фоне прогрессирующей деформации УК РФ практически неизбежно дальнейшее повышение значения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Устраняя регулятивную недостаточность уголовного закона (его пробельность, противоречивость, недостаточную определенность), неизбежную при сохранении существующего уровня проработки изменений УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации становятся все более важным и значимым элементом системы юридических источников российского уголовного права. Обращая внимание на это обстоятельство, А. Э. Жалинский указывает, что «современное состояние социально-экономических процессов и уголовного законодательства определяет ощутимый рост спроса на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики. Это повышает и правовое значение, и социальный авторитет своевременного реагирования высшей судебной инстанции на действительно болезненные проблемы правоприменения»¹¹⁶.

Отмеченная тенденция подтверждается и результатами сравнительного анализа темпов изменения УК РФ и принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. За первые 10 лет действия УК РФ (1997–2006 гг. было принято 10 постановлений Пленума, посвященных вопросам материального уголовного права (в 1997 г. – 1, в 1998 г. – 0, в 1999 г. – 1, в 2000 г. – 0, в 2001 г. – 1, в 2002 г. – 3, в 2003 г. – 0, в

---

¹¹⁶ Жалинский А. Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. 2010. № 4. С. 129.

2004 г. – 2, в 2005 г. – 0, в 2006 г. – 2), тогда как в последующие 8 лет (2007–2014 гг.), когда скорость внесения поправок в УК РФ возросла в разы, принято уже 32 подобных постановления (в 2007 г. – 5, в 2008 г. – 4, в 2009 г. – 5, в 2010 г. – 4, в 2011 г. – 4, в 2012 г. – 3, в 2013 г. – 5, в 2014 г. – 2). Эти данные коррелируют с темпами внесения изменений в УК РФ: в 1997–2006 гг. он подвергался правкам 43 раза, а в 2007–2014 гг. – 122 раза (см. вышеприведенный график). Таким образом, увеличение масштабов текущего («поправочного») уголовного законотворчества приводит к активизации праворазъяснительной и нормотворческой деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Причем многие новеллы УК РФ становятся по-настоящему «рабочими» нормами только после принятия соответствующего постановления Пленума, в котором будут сформулированы вторичные уголовно-правовые предписания, конкретизирующие абстрактные положения уголовного закона, снимающие его неопределенность, определяющие частные правила квалификации преступлений и т. п.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что в системе юридических источников российского уголовного права происходит своеобразное «перераспределение сил»: на фоне прогрессирующей деформации УК РФ ощутимо возрастает значение других источников – решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. С одной стороны, это свидетельствует об устойчивости рассматриваемой системы, о наличии в ней системосохраняющего механизма, позволяющего устранять противоречия между ее элементами и восполнять регулятивную недостаточность уголовного закона за счет подключения других источников. С другой стороны, при сохранении существующих тенденций возникает опасность того, что эксклюзивные функции кодифицированного уголовного закона (прежде всего, определение признаков составов преступлений, наказуемости деяний и иных уголовно-правовых последствий совершения преступлений) постепенно перейдут к иным источникам уголовного права, вследствие чего система источников российского уголовного права утратит централизованный характер. Причем вероятность реализации этого сценария достаточно вели-

ка, поскольку некоторые признаки децентрализации рассматриваемой системы уже просматриваются: в результате поспешного уголовного законотворчества самостоятельные уголовно-правовые нормы появляются даже в неуголовных законах (например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»)¹¹⁷, а в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации все чаще можно встретить первичные уголовно-правовые предписания, которые, по идее, могут быть зафиксированы только в уголовном законе или источниках более высокого уровня. Эти процессы крайне опасны, поскольку разрушают краеугольный камень уголовного права – принцип законности, создают потенциальную возможность возникновения неразрешимых коллизий между источниками уголовного права, снижают уровень гарантий от незаконного уголовно-правового ограничения прав и свобод личности.

Чтобы купировать эти процессы, нужно, в первую очередь, радикально изменить существующие подходы к уголовному законотворчеству. В его основу должны быть положены не конъюнктурные соображения и субъективные предпочтения, которые, как известно, подвержены перманентным колебаниям (как правило, в такт с колебаниями «линии партии», если в сфере борьбы с преступностью таковая вообще существует), а научно обоснованная концепция уголовно-правовой политики, определяющая сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства. После разработки и нормативного закрепления этой концепции (желательно указом Президента Российской Федерации) можно будет приступить

---

117 Подробнее об этом см.: Ображиев К. В. Уголовно-правовые предписания, не имеющие бланкетной связи с уголовным кодексом // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 331–336.

к полномасштабному реформированию УК РФ, поскольку в существующем виде он не устраивает никого: ни самих законодателей, которые открыто признают, что «действующий УК РФ в результате многочисленных поправок приобрел несистемный лоскутный характер»¹¹⁸, ни практиков, вынужденных разрешать возникающие внутриотраслевые коллизии и корректировать уже состоявшиеся правоприменительные решения, приводя их в соответствие с новым законом, ни представителей уголовно-правовой науки, которые констатируют разрушение основ уголовного законодательства.

Как известно, в настоящее время рассматривается два альтернативных варианта такого реформирования – принять новый УК РФ либо его новую редакцию, – в поддержку каждого из которых высказано немало весомых доводов и аргументов. Представляется, что при решении вопроса о предпочтительности того или иного варианта реформирования уголовного закона следует в первую очередь учитывать глубину предстоящих изменений. Если его реформирование ограничится устранением законодательных ошибок, то сколь масштабной не была бы эта работа, разумнее принять новую редакцию УК РФ. Если же потребуется изменение концептуальных идей, положенных в основу уголовного законодательства, то целесообразнее принятие нового УК РФ. С этих позиций более предпочтительным выглядит принятие нового УК РФ, поскольку действующий уголовный закон требует не только технико-юридического совершенствования (устранения коллизий, пробелов, несогласованности, дублирования, необоснованной специализации уголовно-правовых норм и т. п.), но и более глубокой модернизации, так как его концептуальные основы, получившие отражение в уголовно-правовых принципах, уже не соответствуют требованиям времени.

Предпосылки и направления трансформации принципов уголовного права – это крупная проблема, детально рассмотреть которую в рамках настоящего пособия вряд ли возможно. Поэтому

---

¹¹⁸ Примечательно, что об этом заявляет Председатель профильного комитета Государственной Думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П.В. Крашенинников (См.: Перейдем к правописанию. Павел Крашенинников: Пора писать новый Уголовный кодекс // Российская газета. 2014. 13 февраля).

мы вынуждены ограничиться их контурным изложением, обратив внимание на следующее:

– зафиксированный в ч. 1 ст. 3 УК РФ уголовно-правовой императив, согласно которому «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом», не соответствует распространенной практике законодательного конструирования составов преступлений с бланкетными признаками. В подобных случаях преступность деяния определяет не только УК РФ, устанавливающий бланкетные признаки состава, но и нормативные правовые акты иной отраслевой принадлежности, которые наполняют соответствующие бланкетные признаки конкретным содержанием;

– давно назревшая необходимость включения в УК РФ института корпоративной уголовной ответственности (уголовной ответственности юридических лиц) неизбежно потребует существенной корректировки принципа вины (ст. 5 УК РФ);

– нуждается в пересмотре и уголовно-правовой принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), поскольку в существующем виде он акцентирует внимание исключительно на справедливости назначения мер уголовно-правового характера, оставляя за рамками законодательной регламентации требования к справедливости криминализации и пенализации общественно опасных деяний, освобождения от уголовной ответственности, а также различных форм ее реализации;

– классическая трактовка уголовно-правового принципа справедливости, в соответствии с которой «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ), расходится с современной уголовно-правовой политикой, которая ориентирована на расширение системы «иных мер уголовно-правового характера», применяющихся в ряде случаев наряду с уголовным наказанием, а также возможностей назначения дополнительных уголовных наказаний¹¹⁹, что свидетельствует о необходимости законодательной трансформации соответствующего принципа;

---

119 См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 5–16.

– законодательно зафиксированная система уголовно-правовых принципов отражает далеко не все фундаментальные идеи, на которых базируется уголовное право, и основополагающие требования к содержанию и практике применения уголовно-правовых норм, в связи с чем имеются достаточно весомые основания для ее расширения (в частности, за счет нормативной регламентации принципов личной ответственности, экономии мер уголовно-правового характера).

Очевидно, что столь глубокое реформирование УК РФ, затрагивающее его концептуальные основы, не может быть реализовано путем принятия новой редакции уголовного закона, а требует разработки нового кодекса. Образно говоря, уголовно-правовые принципы – это фундамент уголовного права, а если расшатан фундамент, то ремонт, даже капитальный (т. е. новая редакция УК РФ), практически бесполезен; проще и рациональнее построить современное «здание» (т. е. принять новый УК РФ) на новом фундаменте.

Заключение

Завершая рассмотрение формальных (юридических) источников российского уголовного права, представляется необходимым подчеркнуть следующее.

1. Уголовно-правовая наука недооценивает и не в полной мере использует достижения общетеоретического учения о юридических источниках права и их системе, что служит серьезным препятствием для разработки отраслевой теории формальных источников уголовного права. В частности, надлежащего отраслевого преломления требуют следующие общетеоретические положения: содержание формальных источников права не исчерпывается «классическими» правовыми нормами-правилами, но включает также учредительные и дополнительные нормы права (нормы-принципы, нормы-задачи, нормы-дефиниции, оперативные, коллизионные нормы и др.); юридические источники права могут содержать не только первичные правовые нормативы, но и вторичные, конкретизирующие правовые нормы; формальными источниками права признаются не только такие внешние формы выражения правовых норм, которые получили официальное (юридическое) признание в соответствующем качестве, но и те, которые фактически используются в качестве источника примененного права; юридические источники права (в целом и в отраслевом разрезе) образуют систему, в связи с чем рассматривать их следует не по отдельности, а в системном единстве.

2. При решении вопроса о возможности отнесения того или иного правового акта к числу формальных источников уголовного права необходимо учитывать:

- предмет правового регулирования содержащихся в нем юридических норм. Если они регулируют уголовно-правовые отношения, то правовой акт следует считать источником уголовного права, вне зависимости от его места в отраслевом делении;

- структурную композицию уголовно-правовых норм, в состав которых помимо собственно уголовно-правовых предписаний могут входить нормативные предписания, расположенные за пределами уголовного закона. Если уголовно-правовая норма не имеет

единой формы выражения, а обьективирована в нескольких правовых актах, то каждый из них должен считаться ее юридическим источником.

На этом основании под формальными (юридическими) источниками уголовного права предложено понимать правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы (учредительные, основные, дополнительные; первичные и производные) и (или) нормативные предписания, которые входят в состав уголовно-правовых норм. При этом в зависимости от выполняемых функций необходимо различать: источники собственно уголовно-правовых предписаний; источники бланкетной части уголовно-правовых норм.

3. Конституция Российской Федерации является не только генетическим, но и формальным источником российского уголовного права, поскольку содержит отдельные нормы уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63). Уголовно-правовой характер перечисленных конституционных норм не вызывает сомнений, поскольку вопросы о смертной казни и экстрадиции, а также необходимости соблюдения запретов на применение жестокого или унижающего человеческое достоинство наказания и на повторное осуждение за одно и то же преступление возникают не иначе, как в рамках регулирования уголовно-правовых отношений. Следовательно, соответствующие нормы являются конституционными лишь по форме своего выражения, оставаясь при этом уголовно-правовыми по содержанию. Одновременно Конституция России выполняет функцию источника бланкетной части некоторых уголовно-правовых норм (определяет содержание бланкетных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 278, 279 УК РФ, ч. 2 ст. 237, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 287, ч. 4 ст. 290, ч. 2 ст. 354 УК РФ).

4. В систему формальных источников уголовного права России входят:

– самоисполнимые международные договоры, непосредственно применяемые для регулирования уголовно-правовых отношений при наличии противоречия с УК РФ (не связанного с различным объемом криминализации), а также в случае отсылки УК РФ к международным нормам;

– несамоисполнимые международные договоры, выступающие в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, имплементированных в российское уголовное законодательство.

Иерархический приоритет международных договоров по отношению к УК РФ имеет ограниченный характер, проявляя себя в двух различных вариантах: а) если несоответствие УК РФ международному договору России состоит в том, что в национальном уголовном законе не предусмотрена ответственность за деяние, преступность которого определена в международном праве, у России возникает обязанность обеспечить соответствие УК РФ международному акту путем криминализации соответствующего деяния; б) если противоречие УК РФ с международным договором не связано с различным объемом криминализации деяний, то приоритет договорных международных норм означает возможность их непосредственного применения.

5. Декларируемое в ч. 1 ст. 1 УК РФ положение, согласно которому «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса», не соответствует действительности. Помимо УК РФ в систему уголовного законодательства входят: оперативные уголовные законы (федеральные законы о введении в действие и (или) порядке применения УК РФ либо отдельных его положений); федеральные законы о внесении изменений в УК РФ; уголовные законы, признанные утратившими силу (в частности, УК РСФСР 1960 г., который продолжает применяться по правилам ультраактивного действия); постановления Государственной Думы Российской Федерации об объявлении амнистии, которые по своей юридической силе приравнены к уголовным законам; постановления Государственной Думы Российской Федерации о порядке применения принятых ею постановлений об объявлении амнистии, которые по своим функциям и юридической силе сопоставимы с оперативными уголовными законами; подзаконные уголовно-правовые акты (постановления Правительства Российской Федерации, принимаемые в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ).

Кодификация уголовно-правовых норм имеет объективные пределы, детерминированные нецелесообразностью и (или) невоз-

возможностью включения в УК РФ: оперативных предписаний, предназначенных для обслуживания генеральных уголовно-правовых норм; норм об амнистии, имеющих исключительный характер; вторичных уголовно-правовых предписаний, обеспечивающих подзаконную конкретизацию УК РФ.

6. Юридическими источниками уголовного права России являются: неуголовные нормативные правовые акты, предписания которых выступают в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм; иноотраслевые нормативные правовые акты, которые содержат самостоятельные уголовно-правовые нормы, не имеющие бланкетной связи с УК РФ (например, УПК РФ, УИК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму» и др.). Последние затрудняют нормальное функционирование системы формальных источников уголовного права, размывают ее границы, создают предпосылки для возникновения юридических коллизий между УК РФ и уголовно-правовыми нормами, расположенными за его пределами. В этой связи необходимо очистить неуголовные законы от уголовно-правовых норм, перенеся их при необходимости в УК РФ.

7. В систему формальных источников уголовного права входят решения Конституционного Суда Российской Федерации, содержание которых не ограничивается «негативными» уголовно-правовыми нормами (постановлениями о неконституционности законодательных уголовно-правовых предписаний). В своих постановлениях и определениях Конституционный Суд Российской Федерации конкретизирует «конституционно-правовой смысл» оспариваемых положений уголовного закона, устраняет их неопределенность, восполняет их регулятивную недостаточность, формулируя тем самым «позитивные» уголовно-правовые нормы. Лишая юридической силы уголовно-правовые предписания, не соответствующие Конституции России, или придавая им новое «конституционно-правовое звучание», решения Конституционного Суда Российской Федерации выполняют системосохраняющую функцию – обеспечивают соответствие (непротиворечие) иных формальных источников уголовного права Основному закону, сохраняют их в конституционно-правовом поле, препят-

ствуют разрушению субординационных связей, замыкающихся на Конституцию.

8. Элементом рассматриваемой системы являются постановления Европейского Суда по правам человека, поскольку сформулированные в них посредством «либерального толкования» общеобязательные уголовно-правовые позиции развивают, дополняют, конкретизируют Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Однако значительный регулятивный потенциал правовых норм, выработанных Европейским Судом по правам человека, используется субъектами уголовно-правовых отношений в России далеко не в полной мере, что связано с отсутствием официального перевода постановлений Европейского Суда, опыта их применения, их недооценкой. Поэтому весьма перспективным представляется включение правовых позиций Европейского Суда, имеющих нормативное уголовно-правовое значение, в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам (с указанием первоисточника), что позволит сделать их по-настоящему «рабочим» элементом системы формальных источников российского уголовного права.

9. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют не только интерпретационное, но и нормативное уголовно-правовое значение, поскольку содержащиеся в нем предписания компенсируют пробелы в УК РФ, устраняют противоречия в уголовном законе, осуществляют его нормативную конкретизацию, что дает основания считать постановления Пленума важнейшим элементом системы юридических источников уголовного права. Этот статус требует признания на законодательном уровне, что позволит, во-первых, обеспечить ретроспективное действие постановлений Пленума, улучшающих положение лиц, совершивших преступления, а во-вторых, четко определить рамки нормотворческой судебной конкретизации уголовного закона.

10. Для функционирования рассматриваемой системы в окружающей среде, сохранения ее целостности и стабильности особое значение имеют три вида системообразующих связей: субординационные (иерархические) связи; соответствующие им обратные связи; координационные связи. Сочетание различных видов

системообразующих связей позволяет рассматривать структуру исследуемой системы в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной. В вертикальной плоскости действуют субординационные (иерархические) и обратные им связи, посредством которых достигаются непротиворечивость и полнота уголовно-правового регулирования; в горизонтальной – координационные связи, которые позволяют добиться высокой степени адаптивности уголовно-правовых норм, сделать их более гибкими, приспособленными для охраны динамично развивающихся «позитивных» общественных отношений. Такая структурная конструкция порождает функционально упорядоченное взаимодействие всех элементов системы источников российского уголовного права, обеспечивает их внутреннюю согласованность, что отвечает потребностям уголовно-правового регулирования.

11. В системе юридических источников российского уголовного права происходит своеобразное «перераспределение сил»: на фоне прогрессирующей деформации УК РФ ощутимо возрастает значение других источников (в частности, решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации). С одной стороны, это свидетельствует об устойчивости рассматриваемой системы, о наличии в ней системосохраняющего механизма, позволяющего устранять противоречия между ее элементами и восполнять регулятивную недостаточность уголовного закона за счет подключения других источников. С другой стороны, при сохранении существующих тенденций возникает опасность того, что эксклюзивные функции кодифицированного уголовного закона постепенно перейдут к иным источникам уголовного права, а система источников российского уголовного права утратит централизованный характер. Чтобы избежать этого, необходима полномасштабная уголовно-правовая реформа, в основу которой должна быть положена научно обоснованная концепция уголовно-правовой политики. При этом наиболее предпочтительным вариантом такого реформирования является принятие нового УК РФ, поскольку действующий кодифицированный уголовный закон требует не только технико-юридического совершенствования, но и более глубокой модернизации.

Библиография

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
2. Бабаев, М. М. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая Бабаев, М. М. оценка / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Государство и право. – 2012. – № 8.
3. Бабаев, М. М. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1.
4. Бибик, О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Бибик О. Н. – Омск, 2005.
5. Бойко, А. И. Ящик Пандоры (или программа проверочных работ Конституционного Суда РФ в области уголовного закона) / А. И. Бойко // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1.
6. Бриллиантов, А. В. Понятие мелкого хищения и общие вопросы уголовного законодательства / А. В. Бриллиантов, В. А. Бурковская // Российский следователь. – 2003. – № 5.
7. Вдовин, В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Вдовин. – Казань, 2006.
8. Волженкин, Б. Мелкое хищение чужого имущества / Б. Волженкин // Уголовное право. – 2002. – № 4.
9. Гаухман, Л. Д. Актуальные проблемы уголовного законодательства РФ и направления его совершенствования / Л. Д. Гаухман // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения: сб. науч. тр. – М., 2009.
10. Гаухман, Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность / Л. Д. Гаухман // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002.
11. Генрих, Н. В. Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации / Н. В. Генрих. – М.: Юрлитинформ, 2010.
12. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М., 1998.

13. Денисова, А. Постановления Европейского Суда по правам человека в системе источников российского уголовного права / А. Денисова // Уголовное право. – 2014. – № 1.

14. Елинский, А. В. Примечание к ст. 134 УК РФ как норма, противоречащая Конституции РФ / А. В. Елинский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). – М.: Проспект, 2012.

15. Елисеев, Р. А. Международное уголовное право: особенности правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Елисеев Р. А. – М., 2011.

16. Жалинский, А. . Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования / А. Жалинский // Уголовное право. – 2010. – № 4.

17. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.

18. Жуков, А. П. К вопросу о реализации конституционного принципа равенства всех перед законом в уголовном законодательстве / А. П. Жуков, Т. Г. Жукова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2.

19. Жукова-Василевская, Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Жукова-Василевская. – М., 2009.

20. Звечаровский, И. Информационный аспект действия уголовного закона / И. Звечаровский // Уголовное право. – 2008. – № 2.

21. Зивс, С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. – М., 1981.

22. Злобин, А. В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Злобин А. В. – Саратов, 2013.

23. Керимов, Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.

24. Кибальник, А. Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А. Г. Кибальник. – СПб., 2003.

25. Кленова, Т. В. Принципы и пределы кодификации уголовного закона / Т. В. Кленова // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013.

26. Комиссаров, В. С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В. С. Комиссаров, П. С. Яни // Законность. – 2010. – № 9.

27. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков, Э. Ф. Побегайло и др. // Советская юстиция. – 1992. – № 3.

28. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. – М.: ИД «Городец», 2007.

29. Курс уголовного права: Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Т. 1: Учение о преступлении. – М., 2002.

30. Лившиц, Р. З. Судебная практика как источник права / Р. З. Лившиц // Судебная практика как источник права. – М., 1997.

31. Лукашук, И. И. Международное право в деятельности правоохранительных органов России / И. И. Лукашук // Рос. правовая система и междунар. право: современные проблемы взаимодействия. – Н. Новгород, 1996.

32. Марченко, М. Н. Источники права: учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

33. Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека / Микеле де Сальвиа. – СПб., 2004.

34. Наумов, А. В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права / А. В. Наумов // Законность. – 2002. – № 7.

35. Наумов, А. В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) / А. В. Наумов // Уголовная ответственность и проблемы исполнения наказаний: сб. науч. тр. / [отв. за вып.

В. С. Минская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2009.

36. Наумов, А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. / А. В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6.

37. Ножкина, А. Судебная практика как источник уголовно-процессуального права / А. Ножкина // Уголовное право. – 2002. – № 3.

38. Ображиев, К. В. Перспективы развития системы юридических источников уголовного права в свете современной уголовно-правовой политики / К. В. Ображиев // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2013 г.: в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2013. – Т. I.

39. Ображиев, К. В. Предмет уголовно-правового регулирования / К. В. Ображиев // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.

40. Ображиев, К. В. Уголовно-правовые предписания, не имеющие бланкетной связи с уголовным кодексом / К. В. Ображиев // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3.

41. Перейдем к правописанию. Павел Крашенинников: Пора писать новый Уголовный кодекс // Российская газета. – 2014. – 13 февраля.

42. Пикуров, Н. И. Место уголовного права в системе российского права / Н. И. Пикуров // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. – СПб.: Издательство профессора Малинина, 2005.

43. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н. И. Пикуров. – Волгоград, 1998.

44. Применение Конвенции о защите прав человека в судах России // Серия «Международная защита прав человека». – Екатеринбург, 2006. – Вып. 6.

45. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М., 2008.

46. Рарог, А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права / А. И. Рарог // Государство и право. – 2013. – № 1.

47. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. – Л., 1982.

48. Сурилов, А. В. Теория государства и права / А. В. Сурилов. – Киев – Одесса, 1989.

49. Толстик, В. А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук / Толстик В. А. – Н. Новгород, 2002.

50. Топорнин, Б. Н. Система источников права: тенденции развития / Б. Н. Топорнин // Судебная практика как источник права. – М.: Юрист, 2000.

51. Тюнин, В. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество / В. Тюнин // Уголовное право. – 2013. – № 2.

Информация об авторе

Образжиев Константин Викторович родился в 1979 году, в 2000 г. окончил Ставропольский филиал Краснодарского юридического института МВД России. В этом же году начал свою научно-педагогическую деятельность. В 2002 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 2015 г. – докторскую диссертацию (обе диссертации по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»). В 2010 г.

К. В. Образжиеву присвоено ученое звание доцента по кафедре уголовно-правовых дисциплин.

С 23 марта 2012 г. К. В. Образжиев работает в должности заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Активно занимается научной деятельностью, является автором свыше 90 научных публикаций (среди них 6 монографий и более 30 статей в рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации), соавтором 2 учебников (по уголовному праву и криминологии), 2 курсов лекций, учебного пособия, научно-практического комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации.

Под научным руководством К. В. Образжиева защищены 4 кандидатские диссертации.

Область научных интересов – система источников российского уголовного права, учение о преступлении и составе преступления, квалификация преступлений.

Information about the author

Obrazhiev Konstantin Viktorovich, born in 1979, graduated Stavropol Branch of Krasnodar Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2000. In the same year, he started his scientific pedagogical activity. In 2002, he successfully defended his candidate thesis, and in 2015, he graduated his doctoral thesis. Both thesis papers are specialized in 12.00.08 – “The Criminal Law and Criminology; the Criminal Executive Law”. In 2010, K.V. Obrazhiev

was awarded an academic title of Associate Professor at the Chair of Criminal Legal Disciplines.

Since March 23, 2012, K.V. Obrazhiev works as a Head of the Criminal Law Disciplines Chair of Academy of General Prosecution of the Russian Federation.

He is deeply involved into scientific activity. He is an author of more than 90 scientific publications (including 6 monographs and more than 30 articles in the reviewed scientific editions, noted in the List of the Supreme Attestation Committee affiliated at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation), being a co-author of 2 course books (on the criminal law and criminology), 2 courses of lectures, a manual, a scientific practical comment to the Criminal Code of the Russian Federation.

With scientific consultations, given by K.V. Obrazhiev, four competitors defended their candidate thesis.

His area of expertise is the system of authority of the Russian criminal law, study on crime and the constitutive elements of crime, classification of offence.

Приложения

Приложение 1

Порядок рецензирования статей и материалов в журнале «Российский криминологический взгляд»

Уважаемые авторы!

Редакция журнала установила следующий порядок рецензирования статей

1. Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, от вузов (без соавторства с кандидатами и докторами наук), с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, проходят рецензирование (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук) на основании: 1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза; 2) письменного отзыва (рецензии), подготовленного доктором наук, работающим с автором в одном регионе (или вузе) и не являющимся его научным руководителем (консультантом). Статьи кандидатов, докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) от вузов, с которыми у редакции журнала имеются договорные отношения, поступают только на основании решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза.

2. Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, а также кандидатов и докторов наук, поступающие в редакцию в инициативном порядке, принимаются к опубликованию по итогам рецензирования (осуществляется руководителями отделов редколлегии по соответствующей отрасли наук). Статьи аспирантов, соискателей, адъюнктов и иных лиц, не имеющих ученой степени, (без соавторства с кандидатами и докторами наук), направившие свои рукописи в инициативном порядке, принимаются для рецензирования руководителями отделов на основании:

1) решения (рекомендации) редакционного совета вуза либо ученого совета (совета) юридического факультета вуза по месту их обучения; 2) письменного отзыва (рецензии) доктора наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе) и не являющегося его научным руководителем (консультантом). Статьи кандидатов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами и иными лицами, не имеющими ученой степени) принимаются для рецензирования, как правило, на основании письменного отзыва (рецензии) доктора наук, работающего с автором в одном регионе (или вузе).

Статьи докторов наук (в том числе в соавторстве с аспирантами, соискателями, адъюнктами, кандидатами наук и иными лицами, не имеющими ученой степени) принимаются для рецензирования руководителями отделов редколлегий по соответствующей отрасли наук без каких-либо решений (рекомендаций) и отзывов (рецензий).

3. Статьи авторов, поступившие в редакцию для рецензирования, проходят обсуждение на заседании редколлегии журнала, на которое выносятся рецензии не менее 2-х членов редколлегии (1 письменная и 1 устная), являющихся специалистами в данной области. Непосредственную ответственность за своевременное рецензирование статей несут руководители отделов редколлегий по соответствующей отрасли наук или области исследования.

В составе редколлегий в настоящее время функционируют отделы (их состав может меняться):

1. Обращение к читателю.
2. Обращение к редакции.
3. Обращение к Президенту России.
4. Поздравления.
5. Юбилеи.
6. По следам юбилея.
7. События.
8. Персоналии.
9. Идеи.
10. Цитата.
11. Факты.
12. Интервью.

13. Союз криминалистов и криминологов.
14. Московский клуб криминологов.
15. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
16. Находка библиофила.
17. Криминологическая библиотека.
18. История криминологии в оригинале.
19. Криминологическое наследие русского зарубежья.
20. Теория и история криминологии и права.
21. Кандидатская — на уровне докторской.
22. Направления криминологии в докторских диссертациях.
23. Криминологические рукописи в издании.
24. Авторефераты кандидатов наук в издании.
25. Профессорская лекция.
26. Криминотеология.
27. Криминоглобалистика.
28. Криминофамилистика.
29. Криминоювенология.
30. Криминопенология.
31. Криминовиоленсология.
32. Киберкриминология.
33. Этнокриминология.
34. Наркокриминология.
35. Виктимология.
36. Экокриминология.
37. Криминомилитарология.
38. Криминокультурология.
39. Криминосексология.
40. Политическая криминология.
41. Экономическая криминология.
42. Гендерная криминология.
43. Криминология преступного профессионализма.
44. Криминологический взгляд криминалиста.
45. Криминологический взгляд процессуалиста.
46. Криминологический взгляд филолога.
47. Криминологический взгляд экономиста.

48. Криминологический взгляд музыканта.
49. Криминальная аксиология.
50. Криминальная психология.
51. Криминологическая педагогика.
52. Управленческая криминология.
53. Криминология и судебная власть.
54. Криминология и исполнительная власть.
55. Криминологическое законодательство.
56. Криминологический комментарий.
57. Сравнительная криминология.
58. Зарубежная криминология.
59. Криминологический практикум.
60. Криминологическая статистика.
61. Криминологические афоризмы.
62. Взгляд молодого криминолога.
63. Трибуна юного юриста.
64. Криминологическая библиография.
65. Критическая криминология.
66. Криминологический портал.
67. Художественный опыт криминолога.
68. Некрологи.
69. Информация об авторах.
70. Аннотации, ключевые слова, типы публикаций и пристатейные библиографические списки.
71. К сведению авторов.

4. Статья считается принятой к публикации не только при наличии положительных рецензий, но и отрицательных в том случае, если ее поддержало большинство членов редколлегии, работающих в той же области наук или сфере исследования, что и автор статьи. Редакция имеет право пригласить автора на свое заседание для уточнения актуальности, научной новизны представленного для опубликования материала, а также для определения позиции автора, аргументации его выводов по указанной в статье проблеме. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

5. Рецензии на рукописи статей, подготовленные членами редколлегии, направляются далее для ознакомления представителям вузов и авторам по их запросу. В случае отклонения статьи от публикации в журнале представителю вуза и автору по их запросу направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Редакция журнала

Order of reviewing the articles and materials in the Bulletin

Dear Authors,

The Editorial Board of the Bulletin established the following order of reviewing the articles:

1. Articles, contributed by post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree (being written in no cooperation with candidates or doctors of law), but who possess privity of contract with the Bulletin, should undergo the reviewing: 1) resolution (recommendation) by the Editorial Board of the school or the Scientific Council of a Law Department of a University; 2) written review (review) by a Doctor of Philosophy, authoritative author in the region (or school), not being a scientific guide (consultant). Articles, contributed by candidate and doctors of law (including those in co-authorship with post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree), who possess the privity of contract with the Bulletin, come according to the resolution (recommendation) of the Editorial Board or Scientific Council of a Law Department of a University.

2. Articles, contributed by post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree, candidates and doctors of law, coming on the initiative of the authors, are accepted according to the resolution of the review (which is given by the Heads of the by post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree Editorial Departments within the field of the knowledge). Articles, contributed by post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree (not written in co-authorship with candidates or doctors of law), coming on the initiative of the author, are accepted to be reviewed by the Heads of the Editorial Departments according to: 1) resolution (recommendation) of an Editorial Council or Scientific Council of Law Department of the school they belong to; 2) written review (review) by a doctor of law, being an author in the region (school) and not providing scientific

guidance (consultation) to this student. Articles by candidates of science (including those in co-authorship with post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree) are usually accepted to be reviewed according to the written review (review) by a doctor of law, being an author in the region (school). Articles by doctors of law (including those in co-authorship with post-graduate students of civil and military schools and others, having no scientific degree, and candidates of law), are usually accepted by the Heads of the Editorial Departments of the corresponding field of knowledge without any resolutions (recommendations) and reviews.

3. Articles by the authors, taken to the Editorial Board of the Bulletin to be reviewed, undergo the discussion at the meeting of the Editorial Board of the Bulletin, where the resolution is given by at least two members of the Editorial Board (one written and one oral review), being the specialists in the corresponding field of knowledge.

Direct responsibility for the timed review is entrusted to the Heads of the Editorial Departments of the corresponding field of knowledge or research. The Editorial Board includes the following Departments:

1. Ad notam to the reader;
2. Ad notam to the Editorial Board;
3. Address to the President of Russia;
4. Congratulations;
5. Anniversaries;
6. On the trail of the Jubilees;
7. Events;
8. Personalities;
9. Ideas;
10. Cite;
11. Facts;
12. Interviewing;
13. Union of criminalists and criminologists;
14. Moscow Club of Criminologists;
15. Saint Petersburg International Criminological Club;
16. Bibliophile's boon;
17. Criminological Library;
18. History of criminology in original;

19. Criminological heritage of Russian immigration;
20. Theory and history of criminology and law;
21. Candidate thesis on the level of a doctoral one;
22. Directions of criminology in doctoral theses;
23. Edited criminological manuscripts;
24. Abstracts by the Candidate of Law in Edition;
25. Lecture by Professor;
26. Criminal theology;
27. Criminal globalistics;
28. Criminal familistics;
29. Criminal juvenology;
30. Criminal penology;
31. Criminal violencology;
32. Cyber criminology;
33. Ethnic criminology;
34. Drug criminology;
35. Victimology;
36. Ecological criminology;
37. Military criminology;
38. Cultural criminology;
39. Criminal sexology;
40. Political criminology;
41. Economical criminology;
42. Gender criminology;
43. Criminology of criminal professionalism;
44. Criminological outlook of a criminologist;
45. Criminological outlook of a proceduralist;
46. Criminological outlook of a philologist;
47. Criminological outlook of an economist;
48. Criminological outlook of a musician;
49. Criminal axiology;
50. Criminal psychology;
51. Criminological pedagogies;
52. Managerial criminology;
53. Criminology and the judicial power;
54. Criminology and the executive power;
55. Criminological legislation;

56. Criminological comment;
57. Comparative criminology;
58. Foreign criminology;
59. Criminological practice;
60. Criminological statistics;
61. Criminological aphorisms;
62. Young criminologist's outlook;
63. Young jurist's tribune;
64. Criminological bibliography;
65. Critical criminology;
66. Criminological portal;
67. Artistic experience of a criminologist;
68. Obituary;
69. Information about the authors;
70. Annotations, key words, types of publication and clause-by-clause bibliography;

71. Ad notam to the authors.

4. The article is considered to be accepted to publication, if it is not only given positive reviews, but also negatives one, in the case it is supported by the majority of the Editorial Board, working in the corresponding field of knowledge or research. The Editorial Board is competent to invite the author to its meeting in order to specify the vitality and scientific novelty of the material to be published, and to define the author's position, foundation to his conclusions on the topic, mentioned in the article.

Order and queue of the publication is defined according to the amount of the material published and enumeration of the headings in every edition.

5. Reviews to the manuscripts of the articles, written by the members of the Editorial Board, are sent to the representatives of schools to get acquainted according to the request of the author. In the case of denial from the publication the author and a representative are sent a full and well-reasoned written (electronic) explanation according to the request of the author. Authors are authorized to improve or change the material, contributed to publication.

The Editorial Board of the Bulletin

**Условия и требования к опубликованию в журнале
«Российский криминологический взгляд»**

В связи с включением нашего журнала в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук с 01 января 2007 года, учитывая то, что до настоящего времени в журнале печатались в основном работы докторов наук или статьи кандидатов наук, написанные на уровне докторской, подобные требования сохраняются ко всем поступающим к нам работам аспирантов, адъюнктов, соискателей, докторантов, а именно:

1) предоставляемые работы аспирантов, адъюнктов, соискателей должны быть в пределах 0,24 п. л.; докторантов – 0,48 п. л.;

2) любая, предлагаемая для опубликования работа, должна соответствовать уровню нашего, докторского журнала, в противном случае она будет отклонена, то есть прежде всего претендующей, если и не на совсем новое направление в криминологии или праве (это требование сохраняется в полной мере к докторантам), то, во всяком случае, на его существенное развитие, содержащее исключительно авторские новаторские идеи, а не только перечисление существующих точек зрения и позиций;

3) как и ранее, будет приниматься работа по любой отрасли права и любой науке, но она должна отвечать некоторым требованиям, поскольку журнал был, есть и остается криминологическим:

а) исследование в той или иной отрасли права должно содержать криминологическую экспертизу предлагаемых новаций, а именно: ответить, по меньшей мере, на несколько из следующих вопросов: 1) есть ли конкуренция между предлагаемыми Вами нормами

права и действующими, противоречия, как внутри одной отрасли права, так и между отраслями, содействующая совершению правонарушений и в особенности преступлений, как наиболее опасной и вредоносной форме их проявления; II) как предлагаемый Вами проект нормативного акта повлияет на динамику преступности и правонарушаемости, вызовет ее рост или снижение; рост одних типов преступности и снижение других ее типов и т. п.; III) в каком аспекте Ваша правовая новелла может повлиять на выявление латентности преступности и правонарушений и уяснении действительной картины преступлений; IV) как повлияет та или иная предлагаемая Вами норма права на совершение преступлений, на движение преступного поведения, будет способствовать его движению к преступлению, препятствовать этому или, хотя бы, будет нейтральной; V) играет ли разработанная Вами норма права профилактическую функцию, т. е. образует ли один из аспектов правовых основ предупреждения преступлений или правонарушений того или иного вида; VI) содействует или препятствует эта предлагаемая Вами норма права раскрываемости преступлений и правонарушений; VII) каков криминологический потенциал этой разработанной Вами нормы права, т. е. ее перспективы на настоящий момент, ближайшее и отдаленное будущее;

б) если претендующий на публикацию в области права не может осуществить криминологическую экспертизу той или иной предлагаемой нормы, то, при наличии желания в равной мере, необходимо сделать выводы относительно того раздела теории права, где раскрывается деликтология, а именно: количественно-качественные показатели изучаемой Вами правонарушаемости с точки зрения правовой статистики; состав выбранного Вами в качестве объекта исследования правонарушения, деликта или/и состав санкции; причины и условия деликтов, как на общесоциальном уровне (правонарушаемости), так и на личностно-микросредовом, индивидуальном (правонарушение, деликт в той или иной области права); личность правонарушителя; профилактика (предупреждение), предотвращение, пресечение правонарушений;

с) или/и в равной мере предлагаемая Вами для опубликования статья должна содержать результаты проведенного Вами юридиче-

ского исследования, а именно: обобщенные результаты деятельности мировых, федеральных судей, арбитражных и третейских судов, Конституционного Суда РФ и субъектов федерации или итоги гражданского, уголовного, административного, дисциплинарного, конституционного процесса, или какие-либо результаты любой юридической, правоприменительной деятельности.

Объем статьи доктора наук, как правило, не должен быть более 1 п. л. Авторам, преимущественно докторам наук, которым статьи редакцией журнала были заказаны, гонорар начисляется в случае, если автор сообщает номер своего паспорта, год, месяц, число рождения, адрес регистрации (прописки) с почтовым индексом, ИНН.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение ее в Интернете на тех сайтах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение (договор).

Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Статья, представленная редакции журнала, не будет принята к рассмотрению, если: 1) она опубликована или направлена в другие издания; 2) ее автор не указал свои анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, звание, почетное звание, членство в общероссийских организациях, телефон, e-mail; 3) текст, аннотация к статье, библиография и сноски не оформлены в соответствии со следующими стандартами: ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание.

Общие требования и правила составления», введенный в действие непосредственно в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2004 г. постановлением Государ-

ственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 25 ноября 2003 г. № 332-ст; ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», утвержденный и введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. № 95-ст; 4) не соблюдены следующие параметры: размер бумаги – А 4 (210×297 мм); поля: верхнее, нижнее – 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм; шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25; формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название) и выполняются в графическом редакторе; ссылки на источники и литературу выполняются внизу страницы, нумерация автоматическая продолженная.

Редакция журнала примет любые пожелания по совершенствованию ее деятельности. Вместе с тем, в переписку вступать мы не имеем возможности, как и возвращать рукописи и диски (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Однако возникающие вопросы можно разрешать путем телефонных переговоров или электронной переписки, желательно с Вашими научными руководителями или консультантами.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в электронном виде на сайте <http://criminology.ru> через рубрику «Отправить статью в журнал РКВ»; 2) в печатном или рукописном виде Орлову Владиславу Николаевичу по почтовому адресу: 121357, г. Москва, Кутузовский проспект, дом 65, кв. 9; 3) в электронном виде: vlad-orlov@mail.ru.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Информация для перечисления денежных средств спонсорами: ООО «Российский криминологический взгляд»; ИНН 2634061342; КПП 263401001; Р/С 40702810960240101236 Северо-Кавказский банк ОАО Сбербанк России; Кор/счет 30101810600000000660; БИК 040702660. Редакция журнала напоминает, что она не имеет постоянного спонсора, поэтому типографские расходы частично возмещаются за счет добровольной спонсорской помощи авторов или их

доверенных лиц, общественных объединений, а также иных физических и юридических лиц.

Публикация материалов авторов, которые приобрели номер журнала «Российский криминологический взгляд» на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Купить издание» является приоритетным.

О том, будет ли опубликована его статья, автор может узнать:

– на сайте <http://criminology.ru> в разделе «Отследить статью в журнале РКВ»;

– по тел.: (499) 445-90-16; 8-915-051-16-15 – Владислав Николаевич Орлов (главный редактор)

Редакция журнала

Appendix 2

Conditions and requirements for publications in the Bulletin

In connection with the fact, that the Bulletin was accepted to the List of leading reviewed scientific bulletin and editions, which should publish basic scientific results of candidate and doctoral thesis research, since January 1, 2007 and taking into account the fact that up to nowadays in the Bulletin the works, contributed by doctors and candidates of law were published, the requirements to the materials stay the same.

They are:

1) Contributed works by post-graduate students of civil and military schools, applicants should be of 0,24 printed sheet.; for the applicants to doctoral degree – 0,48 printed sheet;

2) Any work, contributed to publication, should correspond to a doctoral scientific level. Otherwise, it would be declined. It should dwell on some new or direction in criminology and law, or at least provide some substantial development of the existing knowledge in the corresponding field, include some innovatory ideas;

3) As it was before, any work in any field of law and any other science is accepted if it correspond the declared requirements, as far as the Bulletin remains a criminological one:

a) research in any field of law should include a criminological expertise of supposed innovations, among them: at least an answer to the following questions: I) if there is a competence between the supposed norms of law and those in force; contradictions within the field of law and between the fields, leading to law violation and crime commitment as the most dangerous form of its manifestation; II) the impact of the supposed project of a normative act to the dynamics of criminality and law violation; growth of one type of criminality and decrease of

the others; III) the way the supposed innovation could influence latent criminality and law violation and perception of a real state of criminality; IV) the way the supposed norm of law influence crime commitment, dynamics of criminal behavior, counteract it or be neutral; V) if the supposed norm has a preventive function, i.e. if it possesses one of the aspects of bases of precaution of crimes or law violation; VI) if it prevents from or stimulates the investigation of crimes and violations of the law; VII) what is the criminological potential of the supposed norm of law, its perspectives today, in the nearest and farthest future;

b) if the author could not make a criminological expertise of the supposed norm, thus it is necessary to make conclusions about the field of the theory of law, which deals with delictology: qualitative – quantitative features of the analyzed law violation from the point of view of legal statistics; corpus delicti of the analyzed law violation, delict, and/or corpus delicti of the sanctions; causes and conditions of the delicts at general social level (violation of law) and personal micro environmental, individual level (violation of law, delict in a field of law); personality of a delinquent; prevention (precautions), avoidance, suppression of law violation;

c) the contributed article should include the results of a juridical research you held: integrated results of activity of the world, federal judges, arbitrary and intermediate courts, Constitutional Court of RF and Subjects of Federation, or the results of civil, criminal, administrative disciplinary, constitutional procedure, or any other results of any juridical or law applicatory activity.

The amount of the article, contributed by a doctor in law, should be more than 1 printed sheet. The authors, mostly doctors of law, whose articles were ordered, are given fees and the author should provide the following personal information: number of his passport, year, month and date of birth, home address with postal index, TIN.

The materials published in the Bulletin do not necessarily reflect the point of view of the Editorial Bulletin.

Authors are fully responsible for the selection and verity of the provided facts, list of quotations, criminological, sociological, psychological and other data, personal and other data, and for the use of the data, not intended for publication.

Contributing the article, the author agrees to Internet publications on the webs, possessing privity of contract with the Bulletin.

The decision about the publication is taken by the Editorial Board, which do not guarantee the publication of all the contributed materials. The Editorial Board of the bulletin is competent to make changes in the article, not influencing the sense of the article in any way.

The article, contributed to the Editorial Board of the Bulletin, will not be accepted, if: 1) it was published or contributed to other editions; 2) the author did not provide personal data: surname, mane, patronymic (in full), position, scientific degree, title, honored title, membership in All-Russian organizations, telephone number, e-mail; 3) the text of the article, annotation to the article, bibliography and references is not formatized according to the international standard ГОСТ 7.1 – 2003, introduced as a state standard of Russian Federation since July 1, 2004 “Bibliographic Note. Bibliographic Description. General Requirements and Rules of Compilation”; Decree by the State Committee of the Russian Federation on Standardization and Metrology on November 25, 2003 № 332-сг; ГОСТ Р 7.0.5-2008 “Bibliographic Note. Bibliographic Description. General Requirements and Rules of Compilation”, adopted and intro duced by the Decree of the Federal Agency on Technical Regulations and Metrology on April 28, 2008 № 95-Art; 4) the following parameters are violated: paper size – A 4 (210*297 mm); areas – upper, lower – 20 mm, left – 30 mm, right – 10 mm; print – Times New Roman; print size – 14; line spacing – 1,5; indent – 1,25; formules are level according to the centre, their number are in parentheses on the right; tables are numbered at the top (Table 1 – Title); pictures are numbered at the bottom (Picture 1 – Title) and are made in graphic editor; referring to the sources and literature are made at the bottom of the page, enumeration is automatic and continuous.

The Editorial Board of the Bulletin is ready to accept any recommendations concerning its activity perfection. Thus, the Editorial Board of the Bulletin does not have any possibility to enter into correspondence, give back manuscripts and CDs of both published and unpublished materials. All the questions could be discussed on the phone or by e-mailing mostly with Your scientific consultants or guides.

Materials for publication, suppositions and comments should be sent: 1) in a written or hand-written type: to Orlov Vladislav Nikolaevitch – Apart.9, Building 65, Kutuzovsky Avenue, Moscow, 121357; 2) electronic version should be sent to vlad-orlov@mail.ru by the section Send an article to the RCO. The fee from the post-graduate students is no taken. Information for the sponsors to make a payment by transfer: LLC “Russian Criminological Outlook”; TIN 2634061342; CIO 263401001; settlement account 40702810960240101236 at the North-Caucasian Bank of PC Sberbank of Russia; C/A 301018106 00000000660; BIN 040702660.

The Editorial Board of the Bulletin reminds, that the Bulletin doesn't have a constant sponsor, that is why printing charges are partially compensated by voluntary payments on the side of the authors or their depositaries, public organizations, natural and legal person.

The publication of the materials by the authors, who have acquired the edition of the bulletin “Russian Criminological Outlook” on the web-site <http://criminology.ru/> in the section “Buy an edition” is of priority.

The information about the acceptance of the article to publication is available:

- on the web-site <http://criminology.ru/> in the section “Monitor an article in the bulletin RCO”
- on the telephone number (499) 445-90-16; 8-915-051-16-15 Editor-in-Chief Vladislav Nikolaevitch Orlov.

The Editorial Board of the Bulletin

Приложение 3

**Список трудов, опубликованных в серии «Библиотека журнала
“Российский криминологический взгляд”» в 2008–2015 гг.**

2008 г.

1. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2008 г.: учебное пособие / Е. А. Антонян, А. Я. Гришко, Г. С. Досаева и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: Илекса, 2008. – 876 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э. Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008. – 736 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

3. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Э. Ф. Побегайло. – М.: Илекса, 2008. – 752 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2009 г.

4. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2009 г.: учебное пособие / Е. А. Антонян, А. Я. Гришко, М. П. Журавлев и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Алекса, 2009. – 944 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2010 г.

5. Постатейный учебный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (по состоянию на 1 ноября 2010 г.): учебное пособие / Н. В. Бельгарова, В. В. Ганночка, Д. В. Гуров и др.; под ред. А. Г. Маркушина. – М.: Илекса, 2010. – 164 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

6. Российское уголовно-исполнительное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Ю. А. Кашуба, В. Б. Малинин, В. Н. Орлов и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. – 344 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2011 г.

7. Орлов, В. Н. Лекция по теме: «Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных» / В. Н. Орлов. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2011. – 104 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

8. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография / В. Н. Орлов. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина; ООО «Издательство Элит», 2011. – 464 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

9. Российское уголовно-исполнительное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Е. А. Антонян, А. В. Бриллиантов, А. Я. Гришко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2011. – 792 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2012 г.

10. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина; ООО «Издательство Элит», 2012. – 696 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2013 г.

11. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография / В. Н. Орлов. – М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 416 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

12. Сыч, К. А. Лишение свободы как родовое понятие и виды уголовного наказания: опыт теоретико-правового конструирования / К. А. Сыч, Е. А. Каданева. – М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 280 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

13. Яхшибекян, Э. Н. Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ: монография / Э. Н. Яхшибекян. – М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 190 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2014 г.

14. Орлов, В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ: монография / В. Н. Орлов. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 624 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

15. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография / В. Н. Орлов. – М.: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 288 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2015 г.

16. Жигарев, Е. С. Криминология (общая часть). Курс лекций: учебное пособие / Е. С. Жигарев. – М.: Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

17. Ображиев, К. В. Источники уголовного права России: учебное пособие / К. В. Ображиев. – М.: Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 146 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

List of works, published in the series “Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook” in 2008–2015

2008

1. Clause-by-clause educatory comment to the Criminal Executive Code of the Russian Federation: according to the state in September 1, 2008: anual / E.A. Antonyan, A.Y. Grishko, G.S. Dosaeva, others; edited by V.E. Eminov, V.N. Orlov. – Moscow: Ilekxa, 2008. – 876 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2. Russian Criminal Law. 2 Vol. Book 1. General Part: Course book / edited by the Honored scientific worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor E.F. Pobegailo. – Moscow: Ilekxa, 2008. – 736 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

3. Russian Criminal Law. 2 Vol. Book 2. Special Part: Course book / edited by the Honored scientific worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor E.F. Pobegailo. – Moscow: Ilekxa, 2008. – 752 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2009

4. Clause-by-clause educatory comment to the Criminal Executive Code of the Russian Federation: according to the state in September 1, 2009: Manual / E. A. Antonyan, A. Y. Grishko, M. P. Juravlev, others; edited by V.E. Eminov, V.N. Orlov. – 2nd edition, edited and fulfilled. – Moscow: Ilekxa, 2009. – 944 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2010

5. Clause-by-clause educatory comment to the Federal Law “On Operative Investigatory Activity” (according to the state in November 1, 2010): Manual / N. V. Belgarova, V. V. Gannochka, D.V. Gurov, others; edited by A. G. Markushin. – Moscow: Ilekxa, 2010. – 164 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

6. Russian Criminal Executive Law. 2 Vol. Book 1. General Part: Course book / Y. A. Kashuba, V. B. Malinin, V. N. Orlov, others; edited by V. N. Eminov, V. N. Orlov. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin, 2010. – 344 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2011

7. Orlov V Correctional Working, Freedom Limitation and Correction Impact to the Convicts”. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin, 2011. – 104 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

8. Orlov V.N. Criminal Penalty: Notion, Aims, System, Objects and Subjects: Monograph. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin; LLC “Elit Publishers”, 2011. – 464 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

9. Russian Criminal Executive Law. 2 Vol. Book 2. Special Part: E. A. Antonyan, A.V. Brilliantov, A.Y. Gridhko, others; edited by V.E. Eminov, V. N. Orlov. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin, 2011. – 792 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2012

10. Russian Course of the Criminal Executive Law. 2 Vol. Book 1. General Part: Course book / E.A. Antonyan, Y.M. Antonyan, S.A. Borsuchenko, others; edited by V.E. Eminov, V.N. Orlov. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin; LLC “Elit Publishers”, 2012. – 696 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2013

11. Orlov V. N. Criminal Penalty: Notion, Aims, Contents of Executing: Monograph. – Moscow: MSJA by O.E. Kutafin, JUSTITIA, 2013. – 416 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

12. Sych K. Deprivation of Freedom as a Generic Notion and Types of the Criminal Penalty: Experience of Theoretical Legal Constructing / K.A. Sych, E.A. Kadneva. – Moscow: MSJU by O.E. Kutafin (MSJA), JUSTITIA, 2013. – 280 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

13. Yakhshibekyan E.N. Effectiveness of Executing, Sentencing the Penalty in the Form of Compulsory Working: Monograph. – Moscow: MSJU by O.E. Kutafin (MSJA), JUSTITIA, 2013. – 190 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2014

14. Orlov V.N. Penalty: Criminal Legal and Criminal Executive Analysis: Monograph. – Moscow: MSJU by O.E. Kutafin, JUSTICE, 2014. – 624 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

15. Orlov V.N. Criminal Penalty: Notion, System, Object of Sentencing, Contents of Serving: Monograph. – Moscow: University by O.E. Kutafin (MSJA), JUSTICE, 2014. – 288 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

2015

16. Zhigarev E.S. Criminology (General Part). Course of Lectons: Manual. – Moscow: Criminological Library, Russian Criminological Outlook, 2015. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

17. Obrazhiev K.V. Authority of the Criminal Law of Russia: Manual. – Moscow: Criminological Library, Russian Criminological Outlook, 2015. – 146 p. – (Library of the Bulletin “Russian Criminological Outlook”).

Авторизация

Войти

Забыли свой логин?

Регистрация

Почему авторам публикуют свои статьи в журнале "РКВ"?

☒ Журнал 10 лет на рынке

☒ Включен в Перечень ВАК

☒ Является подписным

☒ Более 70 рубрик

☒ Опубликовано свыше 1000 статей

☒ Доступен в интернете

Авторы журнала «РКВ»

Геннадий Артамонович
Артамонов

Анатолий Иванович
Алишев

Юрий Михайлович
Антонов

Сергей Ежинович
Байдин

Борис Владимирович
Волков

Подписной индекс на журнал по каталогу Агентства «Роспечать» на полугодие — 83362; на год — 48517.

В случае подписки на журнал через редакцию, а также по иным вопросам, связанным с подпиской журнала, и приобретением к главному редактору Владиславу Николаевичу Орлову по тел.: +8 (499) 445-90-16; 8-915-051-16-15.

РОССИЙСКИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД

2005. №1

Отзыв о первом номере журнала «Российский криминологический взгляд» — РКВ. 2005. №1 (1)

М. П. Журавлев

Из всех впечатлений, которые произвели на меня материалы, опубликованные в первом номере журнала, хотелось бы выделить два момента...

А. В. Наумов

Вашей первого номере журнала расцениваю, не много ни мало, как начало нового этапа развития отечественной криминологии.

О. Ф. Побегайло

Поздравляю, что дан старт большому делу.

1 2 3 4 5 6 7 8

Все отзывы

Информация о тридцать пятом номере журнала — РКВ. 2013. №3 (35)

Читайте в номере

Лидеры предрекают

Название

Российский криминологический взгляд. №4 (4)

Российский криминологический взгляд. №2 (30)

ГЛАВНАЯ

УНИВЕРСИТЕТ

АВТОРАМ

РКВ

ССЫЛКИ

БИБЛИОТЕКА

РЕКЛАМА

ОК

РЕЙТИНГ

КЛУБ

О САЙТЕ

Библотека

Общая информация

Монографии

Курсы

Учебники

Комментарии

Пособия

Лекции

Журналы

Сборники статей

Авторефераты

Диссертации

Статистика

Словари

Энциклопедии

Справочники

Криминологическая библиотека

Криминологическая библиотека — первая частная электронная специализированная криминологическая библиотека. Криминологическая библиотека (далее — библиотека) основана в 2012 г. В библиотеке в настоящее время функционируют следующие ресурсы:

1) монографии; 2) курсы; 3) пособия; 6) лекции; 7) журналы; 8) сборники статей; 9) авторефераты; 10) журналы «Российский криминологический взгляд»; 12) библиотека Союза к 13) библиотека кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права И

библиотека кафедры уголовного права ИФУ-БШЗ.

На сегодняшний день, в библиотеке развешены и готовятся к размещению имеют уникальную возможность, не выходя из дома, аудитории, офиса и в любом месте и в любое время суток в открытом доступе пользоваться в библиотеке.

В библиотеке представлены издания и рукописи по криминологии, уголовно-исполнительному праву и иным наукам, дисциплинам, принимаются работы, как право, только после их официального одобрения. Труды размещаются для платного и бесплатного доступа в переводе Ваших опубликованных изданий или рукописей, в библиотеке, в электронный вариант (форму).

Администрация библиотеки примет любые пожелания по совершенствованию своей деятельности: вместе с тем в первую очередь мы имеем возможность, как и возвращать издания, рукописи и диски как

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

© Орлов В.Н.

© ООО «Российский криминологический взгляд»

© ООО «Криминологическая библиотека»

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция серии «Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»» приглашает Вас к сотрудничеству. Серия основана в 2008 г.

Редакция: В. Н. Орлов (главный редактор); А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло (заместители главного редактора); В. М. Анисимков, М. М. Бабаев, А. Я. Вилкс, Л. А. Воскобитова, Я. И. Гилинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, А. Б. Джурич, А. Г. Кибальник, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, Г. Мешко, С. Ф. Милоков, М. Г. Миненок, А. Х. Миндагулов, В. А. Номоконов, А. И. Рарог, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибиряков, М. Е. Труфанов, Д. А. Шестаков, Н. В. Щедрин, В. Е. Эминов (члены редколлегии); А. О. Магуза (ассистент).

В серии опубликованы следующие работы:

2012 г. Российский курс уголовно-исполнительного права. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Е. А. Антонян, Ю. М. Антонян, С. А. Борсученко и др.; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – М.: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2012. – 696 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2013 г. 1. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 416 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2. Сыч К. А., Каданева Е. А. Лишение свободы как родовое понятие и виды уголовного наказания: опыт теоретико-правового конструирования. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 280 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

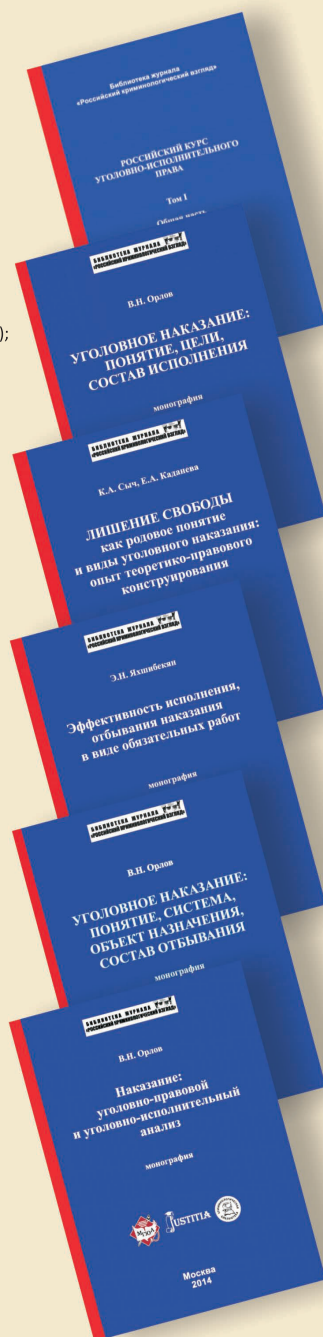
3. Яхшибекян Э. Н. Эффективность исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ: монография. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 190 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2014 г. 1. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография. – М.: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 288 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

2. Орлов В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ: монография. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 624 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

Материалы, отвечающие условиям и требованиям к опубликованию в журнале, необходимо направлять в электронном виде через официальный сайт журнала (<http://criminology.ru>; <http://criminology.pro>; <http://криминология.рф>).

На сайте журнала предоставлена возможность получить информацию по отслеживанию статьи.

Константин Викторович Ображиев

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Учебное пособие

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. – 8,48.

Тираж 500 экз. Заказ № 552 от 21.10.2015 г.

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»

г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 191 б

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Подписной индекс журнала «Российский криминологический взгляд» в агентстве «РОСПЕЧАТЬ» на полугодие – 83362, на год – 48517.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по праву, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника.

Сайт: <http://criminology.ru>; <http://criminology.pro>; <http://криминология.рф>.

